

18+

Ранчо «Магнолия»

Елена Соболева

Елена Соболева
Ранчо «Магнолия»

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Соболева Е.

Ранчо «Магнолия» / Е. Соболева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Красавица Алета, после учебы возвращаясь домой, попадает в аварию, поезд сходит с рельс. Привезя домой раненого друга и девочку-сироту, она узнает, что родители погибли, старший брат на грани смерти, а сестры вне себя от горя. И ответственность за судьбу ранчо и близких тоже легла на хрупкие девичьи плечи...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Необъятно-широкое звездное покрывало раскинула ночь над прерией. Тишина. Неспешно катит свои воды река, о чем-то тихо шепчется кизиловая роща. Не слышно щебета птиц, для этого еще слишком рано.

За высокой каменной оградой около реки стоит хижина. Это добротное жилище, прочное надежное убежище от диких хищников и капризов непредсказуемой стихии. Из трубы идет дым, единственное маленькое оконце мирно светится. На крылечке из трех ступенек под навесом сидят двое мужчин. Они курят и молчат. Их одежда – одежда ковбоев, их лица – суровые лица настоящих мужчин, уже много испытавших и готовых к новым испытаниям. Они похожи, как родные братья, но судьбы их различны, как день и ночь. Они разные по воспитанию, положению и даже по национальности. Один из них англичанин, другой – русский. Один – бывший господин, другой – бывший раб. И вот Судьба свела их здесь, на необъятных просторах прерии, где все равны и каждый сам себе хозяин, неразрывно сплела их жизни, и поэтому теперь они молчали – слова были излишни.

А за дверью, в этой маленькой хижине, уходила из жизни женщина, которая была одинаково дорога им обоим. Она волею все той же Судьбы стала для них матерью, ангелом – хранителем, спасительницей. А сейчас она умирала, и оба знали, что уже ничем не могут ей помочь. Они просто сидели, курили, слушали тишину прерии и молчали...

На грубо сколоченном деревянном столе догорала свеча. В очаге ярко и весело горели дрова. На огонь был устремлен взгляд черных как ночь в прерии глаз пожилой, но все еще красивой женщины, лежащей на диване. Ее длинные черные волосы были заплетены в косу, конец которой свисал до самого полу. Женщина была одета в длинную с широким подолом цветастую юбку и белую рубашку. Тонкие руки прижимали к животу полотенце, почти полностью пропитавшееся ее кровью. Во взгляде уже не отражалось боли, только страшная усталость, лицо было блее снега, губы уже тронуло синевой.

Рядом сидели две девушки. На их лицах выражалось сочувствие, страдание, горе, но в глазах не было слез. Их горе было слишком велико, чтобы можно было его выплакать. Одна из них, высокая блондинка с голубыми глазами, осторожно меняла компрессы на лбу у цыганки (ибо, судя по чертам лица, женщина явно принадлежала к этой национальности). Вторая, чуть ниже ростом, рыжеволосая красавица, тихо подошла к столу, поменяла свечу и снова присев рядом, стала помогать первой.

– Не переживайте так, мои милые, – заговорила вдруг женщина, не отводя взгляда от огня. – Не надо плакать из-за старой цыганки... Я достаточно пожила на этом свете, ни о чем не жалею... да и не нужна я больше никому.

– Не говори так, Аманда, – горячо возразила блондинка. – Ты нужна нам.

– Была нужна, Ирочка, ...поэтому мы и встретились. А дальше вы справитесь и без меня. Конечно, это будет непросто... Я вижу, что тебе, моя милая, еще предстоит страдать в разлуке с любимым. Но вы найдете друг друга в самой необъятной стране мира... и будете счастливы.... А ты, Мэри, – она на секунду перевела взгляд на бледное лицо второй девушки и снова стала смотреть на огонь, – Не уезжай... здесь твоя родина, твои корни и твоя Судьба... Жаль, что я так и не увидела своего сына... Мой сын Миро... найдите его, я прошу... и скажите ему, что его мать гордится им...

– Но, – нерешительно ответила Мэри. – Аманда, мы ведь никогда не видели его, как же мы сможем узнать его при встрече?

– О, вы узнаете его, – на бледных губах женщины появилась слабая улыбка. – Он высок и красив, у него фигура отца и лицо матери... Вы не сможете пройти мимо, вы узнаете его.... А когда вы найдете моего мальчика, то приведите его сюда, расскажите о последних минутах

его матери и отдайте ему этот талисман, – Аманда, с трудом подняв руку, сняла с шеи два медальона и протянула один блондинке. В этом медальоне был вставлен миниатюрный портрет цыганки, который был сделан еще в годы ее молодости, и портрет ее мужа, который погиб уже очень давно. А женщина продолжала говорить уже шепотом, силы покидали ее.

– Только не уносите его отсюда, спрячьте здесь...где-нибудь...и пусть об не знает никто кроме вас двоих...

Пока Ира выполняла просьбу цыганки, та взяла второй медальон. Это была изящная вещица – золотое сердечко на двойной цепочке. Легкий щелчок, и сердечко распалось на две половинки, словно перерезанное молнией.

– А это вам..., – она протянула одну половинку Мэри, другую Ире. – Храните их в память о старой цыганке...

– Мы всегда будем помнить о тебе, Аманда, – в голосе Мэри слышалось едва сдерживаемое рыдание. – Ты же знаешь...

– Да, конечно, – цыганка снова устремила взгляд на огонь. – Я хочу еще сказать вам, что вам суждено расстаться...И вы вряд ли скоро встретитесь снова, и встречи эти будут редки, как мало и их количество.... Если это сердечко и станет вновь целым, то очень не скоро, и не вам придется соединить его...

– А кому же, Аманда?

– Я вижу ребенка...маленькую девочку...она это сделает, она сильная и смелая...А еще я вижу, что у вас будет шестеро детей...твоему сыну, Мэри, будет очень плохо и больно, но ему сможет помочь дочь Иры...если он позволит ей это...

– Она бредит? – шепотом спросила Мэри, испуганно взглянув на подругу, но та отрицательно покачала головой.

– Она грезит...она может видеть будущее...молчи, слушай и запоминай...

А цыганка продолжала говорить, все тише и тише.

– Твоя старшая дочь, Мэри, станет ослепительной красавицей, но твои дети рано лишаться своих родителей, им будет угрожать нищета и голод...и снова помощь должна будет прийти от твоих детей, Ира, подготовь их к этому...Вы создадите Империю, но она может рухнуть, если они не объединят свои силы...Пожар, о, Боже! Огонь...он везде! Бойтесь огня, ибо он может дать жизнь, а может и забрать ее...быстро и неумолимо.... Не забудьте посадить на моей могилке мои любимые цветы – магнолии, – неожиданно закончила она, устало прикрыв глаза и расслабившись.

– Конечно, дорогая, – прошептала Мэри. – Все, что хочешь...

– Не забывайте друг друга, иначе вы погибните в этом мире,...а я буду наблюдать за вами...

– Спасибо тебе, Аманда, спасибо за все, – проговорила Ира. – Я никогда не забуду того, что ты для нас сделала, и всегда буду помнить и любить тебя, как сестру, как мать. Имена моих детей будут начинаться с первой буквы твоего имени...я расскажу им о тебе, а они расскажут о тебе своим внукам.... Я обещаю.

– Я сделаю то же самое, Аманда, – горячо прошептала Мэри.

– Я верю...только будь осторожна, ты можешь не успеть, – шепнула цыганка, и в небесно-голубых глазах Ирины появилась тревога. Но Мэри не заметила этого, ее взгляд был прикован к лицу умирающей женщины. Цыганка устало закрыла глаза.

– Прощайте... – в последний раз прошелестел ее голос и умолк навсегда.

На диване лежала женщина, а рядом, обнявшись, плакали две красивые молодые девушки. В камине тихо догорали дрова, а верхушки деревьев кизиловой рощицы озарили первые лучи восходящего солнца...

...Прошли года, и все изменилось вокруг. Ранее пустынные прерии ожили: на одном берегу реки возникло множество поселений, на другом берегу раскинулись владения бога-

тых ранчери, сумевших выжить в суровых условиях Техаса. Сбылось пророчество Аманды: именно здесь возникла Империя – царство мустангов, буйволов и их хозяев. Неизменной осталась лишь река, все также тихо несшая к океану свои темные воды, да маленькая хижина, обнесенная высокой каменной оградой, всегда одинокая, но не забытая. Рядом на холмике почти круглый год цвели белоснежные магнолии, выращенные и ухоженные заботливой рукой женщины. Часто там можно было видеть ее одинокую фигуру. Она приходила одна, потому что никому не говорила, что ходит именно сюда, а почему и сама не сумела бы толком объяснить. Ей казалось, что еще рано, она не думала, что когда-нибудь, уже очень скоро, будет слишком поздно...

Глава 1

Стоял солнечный радостный день. Необъятное лазоревое небо без единого облачка простиралось над столь же необъятными просторами прерии.

Смеясь и весело перекликаясь, две всадницы на белых конях неслись стрелой по зеленому полю, направляясь к серебристому тополю, единственному в округе.

Это красивое, величавое дерево насчитывало не один десяток лет. Пожилые люди говорили, что оно было таким же высоким еще тогда, когда сами они были молодыми и только-только пришли на эту землю. Тополь стоял на опушке леса и был гораздо выше всех остальных деревьев. Его крона отливала серебром в лучах утреннего солнышка. Внизу ствол тополя окружали густые заросли шиповника и кизиловых деревьев.

Лес начинался сразу за рекой, которая как будто специально делала излучину, огибая его. Вверх по реке этот лес почти до самых истоков реки, а вниз по течению располагалась красивая долина, сразу за которой снова расстилались необъятные просторы прерии. Несколько километров вниз по течению можно было увидеть небольшую рощицу кипарисов, окружавшую изящную двухэтажную постройку – ранчо «Кипарис».

А сама долина и все земли на много километров вокруг, и большая часть леса, принадлежали хозяевам ранчо, которое было построено в долине. Это ранчо называлось «Магнолия», им управляли муж и жена – ковбой Леон и рыжеволосая красавица Мэри.

За растянувшимся на несколько километров полем, по которому мчались две всадницы, находился небольшой ковбойский городок. Он приютился на холме и имел всего три улицы, но зато носил громкое название – Лувр.

Прежде, чем подъехать к тополю, юным всадницам предстояло переправиться через реку. Даже при беглом взгляде на обоих любой мог понять, что это сестры, – девушки были поразительно похожи, черты лиц казались скопированными, если не считать небольшого различия.

Впереди на белоснежном коне неслась белокурая красавица с ярко-синими как небо прерии перед рассветом, глазами. В минуты гнева и ярости они становились почти черными. Правда, злилась она редко, характер не тот, да и поводов не находилось.

На несколько метров отстав, мчалась вторая всадница на не менее великолепном скакуне, который был светло-рыжей масти, едва уловимо отличавшейся от снежно белого окраса первого коня. Точно также едва заметно отличался оттенок волос этой всадницы от волос сестры. Внезапно заколка, удерживающая ее прическу, расстегнулась и упала на землю. Светлые длинные волосы распустились по плечам, окружили голову девушки сияющим облаком золотых локонов, и различие оттенков стало заметнее. Недаром в семье ее прозвали Златовлаской. Небесно-голубой взор, казалось, вобрал в себя бездонную глубину неба.

Белый красавец-конь легко перепрыгнул через речку, которая в этом месте еще только начинала набирать ширину и глубину, и далеко вокруг раздался звонкий голосок первой всадницы:

– Алина, не отставай!

Золотоволосая красавица пришпорила коня и через минуту догнала сестру, также легко перемахнув через реку. Минутой позже обе всадницы остановились возле тополя и окружавших его зарослей.

– Надо подождать, – сказала Алина, спешиваясь. – Куда бы привязать коня?

– Можно провести их через заросли к тополю, если сумеем, – ответила ее спутница. Она подошла к зарослям и попыталась пройти к дереву. Ей это удалось, и Алина последовала за сестрой. Девушки надежно привязали коней и расположились под тополем, раскинув на земле старое покрывало. Его всегда возила с собой Алина, как она говорила «на всякий пожарный».

Обе с наслаждением растянулись в тени тополя. Душистый запах тополиной листвы, тишина, если не считать щебета птиц и пения цикад, и полное отсутствие moskitov – здесь было идеальное место для отдыха.

– Здесь и подождем Адама и Алету, – сказала Алина и, немного подумав, тут же возразила самой себе. – Нет, не выйдет. Здесь мы можем уснуть, и они проедут мимо, даже не заподозрив, что мы находимся в нескольких шагах. Ведь мы надежно скрыты со всех сторон.

– Да, ты права, Алина, – ответила сестра и, вдруг сверкнув улыбкой, приподнялась на локтях. – Слушай, у меня появилась идея! Мы с тобой сейчас выведем коней на поле и привяжем немного подальше, к вязу, который стоит неподалеку, а сами заберемся на тополь. Будет забавно посмотреть, как великий и признанный следопыт Алета Беверли станет в тупик, разыскивая нас!

– Ты думаешь, Арина, что это ей не удастся? – с сомнением в голосе спросила Алина.

– Думаю, нет, – уверенно ответила Арина и поднялась. – Пошли, у нас мало времени.

– Что ж... сама идея мне нравится. Даже очень!

Девушки вывели коней из зарослей, привязали, как было задумано, к небольшому вязу, а сами с ловкостью пумы забрались на тополь. Арина выбрала себе ветку почти на самой верхушке тополя, Алина устроилась чуть ниже.

Ждать им пришлось недолго. Скоро со стороны реки они услышали топот копыт и увидели двух всадников. Их лошади бежали рядом неторопливой рысцой, поэтому брат и сестра могли спокойно вести беседу на ходу.

Юноше было лет двадцать пять, девушке можно было дать восемнадцать, но ей исполнилось уже двадцать два. Юноша обладал довольно-таки высоким ростом. Его медного оттенка кудри разметались на ветру и придавали ему мальчишеский вид, глаза того же оттенка искрились смехом. На красивых губах играла приветливая открытая улыбка.

Сестра отличалась от брата, как ночь отличается от дня. Ее длинные черные волосы были заплетены в косу, которая касалась концом спины ее мустанга. Темные синие глаза светились умом, а обычно серьезное выражение придавало чертам лица еще большую привлекательность. И если брат не был эталоном красоты, хотя многие девушки округи заглядывались на него, то сестра бесспорно по праву занимала место первой красавицы во всем штате. Даже сестры Арина и Алина, обладающие, несомненно, привлекательной внешностью, не могли соперничать с яркой красотой своей старшей сестры. Но при всем этом они никогда не завидовали ей, это чувство было чуждо всем членам их дружной семьи. Сейчас веселая улыбка преобразила лицо Алеты, и Адам со смехом заявил ей, что сегодня вечером не один джентльмен рискует ранить свое сердце.

– Я скажу даже больше: с этого бала многих увезут в бесчувственном состоянии, потому что стоит тебе вот так вот улыбнуться любому из них, и он тотчас же упадет к твоим ногам, сестренка. Убедительно прошу тебя не улыбаться всем подряд!

Алета, весело рассмеявшись, шутливо хлопнула брата по плечу и пришпорила коня.

– Не говори глупостей! Лучше поторопимся, сестры, наверное, заждались нас.

Между братом и сестрой всегда царил полное взаимопонимание, и часто они вместе устраивали розыгрыши над младшими сестрами, но и те не оставались в долгу.

Сегодня был день большого праздника: сестрам-близнецам исполнилось восемнадцать лет. Их мать решила по этому случаю устроить грандиозный бал на ранчо, пригласить оркестр и всех друзей и знакомых собрать на этом балу. Алета училась в Чарльстоне, но отец смог уговорить ее учителей разрешить девушке отлучиться на несколько дней. Поезда, правда, все еще ходили нерегулярно, и Алете пришлось добираться дилижансом. Адам с сестрами встречал ее каждый день, но ей удалось приехать только сегодня.

До ранчо от реки оставалось еще полчаса езды, если ехать напрямик через лес. Если же по дороге через долину, то это займет около часа, а по их расчетам, пир должен был начаться через три четверти часа, а значит, времени было в обрез.

Но они не слишком торопились, зная, что их великолепные скакуны пробегут это расстояние минут за двадцать, если их хорошенько прищипорить.

– Я вижу их лошадей! – воскликнул Адам. Брат и сестра подъехали к тополи и остановились. В недоумении Адам огляделся:

– Где же они сами? – вслух сам себя спросил он. Алета пожала плечами, молча осматриваясь кругом. Наверху Алина и Арина еле сдерживали торжествующий смех. Алета чуть заметно подмигнула брату и пристально посмотрела куда-то вглубь зарослей. Адам проследил за ее взглядом и увидел то, чего не заметил бы менее наблюдательный человек. Он увидел примятую траву, сломанную веточку шиповника и, наконец, чуть заметный след от сапога охотничьего костюма на коре одной из нижних веток тополя.

Взгляды брата и сестры встретились и одновременно вспыхнули веселыми лукавыми огоньками. Они как обычно поняли друг друга без слов.

– Куда опять подевались эти несносные девчонки?! – сердитым тоном заговорил Адам.

– И именно сейчас, когда мы так торопимся и нам некогда их искать! – подхватила Алета.

– Да, конечно, ведь скоро начнется бал, будут танцы, и лично мне не хочется опаздывать. Слушай, Алета, может не будем их искать, а? – жалобно протянул Адам. – Я уже есть хочу, ... а они потом нас догонят. А?

– Ну, ... я даже не знаю ... но ...

– Да, понимаю, – закивал Адам. – Тебе, конечно, жалко, что они могут опоздать, и не получат тогда свои подарки, но они сами виноваты.

– Да-а... А, тем более, что Роза обещала приготовить торт с кремом, который так любит Алина. Ах, как жаль...

Но Арина и Алина не дослушали, чего именно было так жаль Алете, они поспешно спустились вниз.

– Мы здесь! – заявили обе в один голос, спрыгнув с последней ветки тополя на землю.

Алета и Адам сначала молча посмотрели на них, затем переглянулись и залились смехом. Шутка удалась!

– На какую глупую удочку мы попались! – поняв все, воскликнула Арина и, не выдержав, тоже рассмеялась. К ней присоединилась и Алина. Их розыгрыши зачастую так заканчивались. Адам и Алета легко разгадывали замысел сестер, и тут же устраивали ответный удар, почти всегда выигрывая.

Алета первая прервала эту веселую паузу.

– Нам на самом деле пора ехать. Мама сойдет с ума, если мы не появимся раньше гостей, – сказала она. – Я уже молчу о том, как на это отреагирует отец.

– Алета права, – кивнул Адам. – Вперед, девчата, по коням. Мы должны успеть вовремя.

И три сестры и брат снова, но на этот раз уже вместе, понеслись от тополя прямо через лес на восток. Эта дорога, напоминающая скорее лесную тропу, чем дорогу, могла бы с полным основанием служить полосой препятствий. То тут то там путь преграждали стволы упавших деревьев, тропа извивалась змейкой среди чащи. Но все это было пустяками для таких искусных всадников и их давно уже привычных к этой дорожке коней.

– А как вы догадались, где мы? – крикнула на ходу Арина, и Алета, обернувшись, ответила, даже не придержав на минуту коня,:

– Надо лучше замечать следы, сестренка, и не оставлять их на нежной коре дерева.

Уже спустя четверть часа Адам, ехавший первым, увидел верхушку кипариса, растущего у высоких ворот ранчо «Магнолия».

– Уже почти приехали! – раздался его звучный голос, и сестры отозвались радостными возгласами.

Через несколько минут они уже подъезжали к дому, который скорее можно было бы назвать особняком. Это было высокое квадратное здание в три этажа, обнесенное такой же высокой (или чутьчку ниже) каменной оградой. На первом этаже располагались холл, кухня, комнаты для прислуги и огромный, высотой на все три этажа, бальный зал, потолок которого был расцвечен замысловатым узором. На уровне второго этажа по стене бального зала шла галерея, огороженная невысокими резными перилами, где висели портреты и картины кисти великих мастеров. Здесь же находилось несколько полотен, никем не подписанных, это были работы Мэри, она с детства увлекалась рисованием.

На втором этаже находились комнаты хозяев ранчо, кабинет, библиотека и пристроенная и оборудованная совсем недавно ванная. На третьем этаже была устроена детская, теперь служившая комнатой для гостей, и отдельные комнаты для каждого. В последние годы комната Алеты большей частью времени пустовала, так как девушка училась и жила в Чарльстоне.

А на крыше, плоской и огороженной невысоким, широким парапетом, сестры устроили настоящий райский уголок, собрав всевозможные растения и цветы, которые им приглянулись. Даже Алета, не особенно интересовавшаяся цветами, время от времени из своих путешествий привозила побеги интересных растений и рассады цветов.

Словно ураган влетев во двор, сестры быстро спешили, побежали к дому, здороваясь на ходу со всеми подряд, и, разбежавшись по своим комнатам, заперлись в них, чтобы выйти через четверть часа совершенно преображенными. Алета успела по пути обнять свою няню Джейми, закружив ее по гостиной.

Адам спешил, не торопясь, провел своего коня по двору и направился к конюшне. Навстречу юноше выбежало несколько конюхов. Одному из них он передал поводья своего коня, остальные отправились за лошадьми сестер. Адам пошел в дом. Войдя в холл, он свернул направо и остановился в дверях, ведущих в бальный зал. Все уже было готово для бала, который наверняка затянется до самого утра.

К Адаму подлетела разгневанная Джейми. Она не только была нянькой для него и сестер, но и заведовала почти всем в доме, помогая хозяйке. Ее уважали все обитатели ранчо и даже немного боялись. Джейми сейчас была в ярости, увидев молодого хозяина все еще не переодетым, и тут же отправила его наверх, велев не возвращаться и не попадаться ей на глаза, пока он не приведет себя в порядок.

Адам возвел очи горе и осведомился, жив ли еще супруг Джейми, почтенный мистер Томпсон, и как такая жена до сих пор не свела его в могилу. И тут же ловко увернувшись от шлепка, со смехом чмокнул няню в щеку и поспешил в свою комнату.

Через несколько минут должен был начаться бал, стали прибывать гости. Алета с родителями, задержавшись для встречи наедине, спустились вниз позже. Мэри и Леон тут же направились к гостям, приветствуя их, а девушка замерла на пороге, рассматривая зал, полный веселящихся гостей, музыки и света. Ей неожиданно захотелось запомнить все это таким, как сейчас, почему-то вдруг показалось, что она уже очень не скоро снова увидит этот зал, заполненный изящно одетыми гостями.

Оркестр заиграл вальс, и Алета улыбнулась, увидев родителей, закружившихся в вихре танца. Это была бесспорно самая красивая пара в зале, Алета знала, что большинство гостей придерживаются того же мнения. Она увидела в толпе еще много знакомых лиц, беззаботных, светящихся улыбками. Взгляд ее синих глаз на минуту задержался на Арине, которую кружил в вальсе мистер... как его там, заведующий городской библиотекой. Он появился в этих краях сравнительно недавно, и Алета не могла вспомнить его имя, но видела, что Арина улыбается ему явно только из вежливости.

«А значит, не стоит ломать голову, вспоминая, как его зовут!» – заключила Алета и перевела взгляд на сестру, которая поверх плеча своего кавалера состроила ей гримаску, а потом засмеялась.

Алета улыбнулась, заметив, как Алина подавила зевок, почтительно помогая пожилым матронам устроиться в специально сооруженной беседке. Это были самые уважаемые леди округа, они знали все и про всех. Заслужить их одобрение было нелегко, еще тяжелее было не попасть под их осуждающие взгляды и не быть предметом сплетен в их гостиных.

Путешествуя дальше по залу, взгляд Алеты задержался на брате. Адам танцевал с очаровательной брюнеткой, которая весело смеялась над каждым его замечанием. Алета тихонько вздохнула. Она заметила в толпе много таких, которые называли себя ее поклонниками. Конечно, приятно, когда тебе поклоняются, но иногда это бывает так утомительно!

– Как всегда прекрасна, восхитительна и изумительна! – раздался звучный голос, и Алета, обернувшись, увидела рядом высокого широкоплечего ковбоя, на смуглом от загара лице которого цвела белоснежная улыбка. – Подари мне первый танец, богиня!

– Ох, Кэйд! – рассмеялась Алета. – Ты все такой же неугомонный. Почему ты не меняешься?

– Твою красоту тоже ничего не изменило, и ты все также холодна ко мне, – юноша состроил гримасу мученика, и оба дружно рассмеялись.

– Знаешь, недавно Арина сделала тоже самое, – заметила Алета. – Ее библиотекарь достал... Кстати, почему ты не обратишь внимание на мою сестру? Хватит уже безумных выходов, пора бы тебе поумнеть, Кэйд. А-то вечно у вас с Адамом на уме гулянки, скачки да перестрелки.

– Твоя сестра, – ковбой вдруг вздохнул, – она серьезности требует, а я, – он тут же весело рассмеялся, – а я еще не нагулялся! Так подаришь танец, красавица?

– Ну, конечно, Кэйд, – тепло улыбнулась ему девушка. – Чуть позже. Я хочу еще кое с кем поговорить.

– Я напомню тебе! – улыбнулся он и замешался в толпе гостей, бросив напоследок, – А пока пойду выручу Арину из плена библиотекаря – мистера... как его там?!

Алета еще раз медленно осмотрела зал, гостей, и на этот раз отыскала среди них еще одно дорогое лицо. Ясная улыбка сделала девушку еще красивее, глаза засияли при мысли о том, как обрадуется он, увидев ее, каким огнем вспыхнут его зеленые глаза, в притягательной улыбке изогнутся губы. Сегодня сбудутся все ее мечты, Алета давно ждала этого вечера. Сегодня она будет веселиться и танцевать, с Кэйдом и со всеми подряд, кто пригласит, но чаще всего с ним. А потом они останутся наедине на прохладной террасе, под сине-черным небосводом. И под шелест тополиных листьев и шепот летнего ветерка он прошепчет ей те самые, нежные, желанные слова... и она будет счастлива.

Алета улыбнулась еще ослепительнее, тряхнула локонами волос и, не медля больше ни секунды, спустилась в бальный зал.

Глава 2

– Знаешь, дорогой, я сегодня видела во сне Аманду, – Ирина лежала, закинув руки за голову, и смотрела на мужа, собирающегося на работу. Слова жены заставили его отложить приготовление необходимых бумаг и присесть рядом с ней на постель.

– Аманду? – он взволнованно смотрел на нее. – Ты уже очень давно не вспоминала о ней.

– Да, – кивнула женщина. – Я даже не думала о ней. Сначала эти проблемы с Анжи, потом твой бизнес.... Знаешь, мы должны съездить туда.

Матвей вздохнул.

– Конечно, но...но я сейчас не могу, Ира. Ну,...ты же сама все понимаешь, – улыбнулся он, и она подумала о том, что ее муж мало изменился за эти без малого тридцать лет. Седина на висках придавала ему солидности, которая была необходима в облике такого преуспевающего владельца мебельной фабрики, каким был Матвей Северов. А еще из его черных глаз исчезло то постоянное выражение настороженности, что было в юности, в те времена, когда он не мог спать спокойно, если рядом не было оружия или хотя бы приличной палки. Теперь взгляд его светился спокойствием и уверенностью. Впрочем, Матвей мог бы то же самое сказать о жене.

Конечно, годы оставили на ней свой отпечаток, не могли пройти бесследно. Но длинные светлые волосы были все также прекрасны, а взор небесно-голубых глаз поражал безмятежностью и чистотой. Поэт сказал бы: «глаза ребенка, не знавшего горя и зла...», но Матвей лучше, чем кто-либо знал, что они видели и горе и зло. И до сих пор жена оставалась самой красивой женщиной для него, самым родным и близким человеком. Если бы она захотела, он отвез бы ее куда угодно, на ранчо в Техас или на край света – все равно, и наплевал бы на все дела, и Ирина прекрасно знала об этом.

– Понимаю, – задумчиво проговорила она. – Ты не можешь сейчас оставить фабрику.

– Да, но, если хочешь, мы съездим туда через пару недель, когда я немного поразгребусь с делами.

Ирина нежно рассмеялась.

– Сомневаюсь, что тебе удастся «разделаться» с твоими делами за пару недель, – сказала она, но в ее голосе не было упрека, только смех. – Ладно, отложим это. Но тогда может быть стоит отправить туда Александра? Конечно, он ни разу не был там, с тех пор как мы последний раз были в Техасе (кстати, он тогда был слишком мал, чтобы что-то помнить), но он знает не только понаслышке о жизни на ранчо, подобных «Магнолии». Может, пришло время рассказать ему...?

– О чем? – удивился Матвей. – Что же тебе такое приснилось, что ты так встревожилась?

– Сначала мне снился поезд, пустой...я иду по вагонам, но никого не вижу, и мне страшно...потом тополь...помнишь, тот тополь на опушке леса у реки?

– Да, конечно. Но что в этом странного?

– Мне снилось, что кто-то хочет его срубить, и он уже начинает клониться к земле, и тут я слышала крик, полный боли и тоски...это был голос Мэри.

– О, Господи! – Матвей встревожено смотрел на жену. – Но у них все хорошо, Ира, ведь совсем недавно Леон звонил мне, да и всего неделю назад ты получила письмо от Мэри.

– Да, и думаю, мы зря не поехали к ним на праздник всей семьей. Это все верно, но...но ведь несчастье может произойти в один час, даже миг...

– Не надо, Ирочка, ты зря изводишь себя подобными мыслями и без особых причин. Если хочешь, я pošлю телеграмму или позвоню Леону, но я уверен, что у них все хорошо, и ты напрасно волнуешься.

На губах Ирины появилась слабая улыбка, но в глазах не исчезала задумчивость.

– И потом, – продолжал Матвей, – я не понимаю, причем здесь наш сын?

– Ну, я же рассказывала тебе о предсказании Аманды.

– Ах да...Кстати, ты же сказала, что видела во сне Аманду?

– Да. Она приснилась мне уже под утро, после всех этих кошмаров. Она была такой же, какой мы ее увидели в первый раз, в той же лиловой накидке, такая же красивая, как тогда. Сначала мы с ней стояли на улице, а рядом горело здание – высокое здание, большое как небоскребы Нью-Йорка, горело беззвучно, и Аманда сказала: «Ты помнишь...?» Я сразу вспомнила ее слова об огне, который может дать жизнь, а может и забрать ее, но ответить не успела. Через секунду мы уже стояли в поле, на ней уже не было накидки, только легкий сарафан, она улыбнулась мне и сказала: «Здравствуй, красавица! Вижу, не забыла ты еще цыганку. Но не все в жизни получается так, как хочется...» Я спросила ее, что она хочет этим сказать, но она лишь улыбнулась и спросила: «Помнишь мое предсказание, красавица?» Я кивнула. «Я рада, потому что пришло время», – продолжала она. «Ты скоро сама все поймешь. Ну, что ж, удачи тебе. А мне пора идти, я должна встретить Мэри. Я передам ей привет от тебя. Прощай», Она отвернулась и пошла прочь. Я шагнула было следом, хотела расспросить, но она обернулась и сказала резко: «Стой, где стоишь. Рано тебе еще туда...» И пошла дальше, а я...я проснулась.

Ирина немного помолчала. Матвей тоже молчал, пораженный ее словами. Она вдруг посмотрела на мужа, в глазах снова появилась печаль.

– Ты пошли телеграмму Леону, Матвей, только...думаю, ответа мы уже не дождемся...

* * *

Алета и Кэйд встретились снова случайно, на вокзале в Чарльстоне. Она отправлялась домой на каникулы, он по делам приезжал на неделю в Чарльстон и теперь тоже ехал домой.

Алета и Кэйд были неразлучными друзьями еще со школьных лет. Он на несколько лет старше Алеты, и всегда опекал девочку, пожалуй, заботливей, чем старший брат. У них никогда не было секретов друг от друга, и соседи часто, смеясь, говорили родителям Алеты, что девочка, похоже, заранее нашла себе мужа.

Став взрослее, Кэйд, как и многие другие парни округа, начал ухаживать за девушкой, но оба знали, что это чисто символически, не всерьез. Обоих вполне устраивала дружба, но дружеские отношения никто из окружающих не понял бы и не принял. И поэтому Алета и Кэйд затеяли эту игру, постоянно подыгрывая друг другу.

Встретившись на вокзале, друзья тут же разговорились, благо до отправления поезда оставалось еще около часа. Кэйд был единственным сыном в семье, их ранчо было ближайшим к «Магнолии», хотя их владения были гораздо меньше. Оно называлось «Кипарис», потому что сам дом почти полностью окружали эти красивые деревья. Сейчас управлением ранчо занимался Кэйд, отец его отошел от дел, но помогал сыну советами. Впрочем, родители ковбоя теперь редко бывали дома. Они любили путешествовать и в настоящее время находились в Египте.

Кэйд с восхищением смотрел в прелестные глаза, пытаясь отогнать тут же вспыхнувшее воспоминание о другой сестре.

– Кэйд, я так рада, что ты здесь! – воскликнула Алета. – Я соскучилась по дому, по родным лицам.

– Я тоже рад тебя видеть, моя милая Алета. Ты сегодня изумительно красива, впрочем, как и всегда.

– Ох, Кэйд! Заткнись, пожалуйста, – рассмеялась девушка. – Лучше расскажи мне новости.

– Вот так всегда, – с комическим выражением лица вздохнул Кэйд и продолжил уже серьезно. – Но я не знаю, что тебе рассказать. Ничего особенного у нас не произошло. И потом,

я ведь тоже уже неделю не был дома. Хотя кое-что могу рассказать: в баре «Звездочка» недавно была драка.

– Оно и видно, – с улыбкой кивнула девушка.

– В смысле?

– Челка-то у тебя длинная, друг мой, да такой синяк на лбу не спрячешь, тем более под таким белоснежным пластырем.

– М-да... – протянул Кэйд.

– Он у тебя как звезда во лбу горит! С кем дрался на этот раз?

– И как это я забыл про пластырь? – Кэйд поднял взгляд на небо.

– И с кем это ты дрался? – повысила голос Алета.

– Ну,...я,...в общем...

– Только не говори, что с Адамом!

– Нет, но...

– Он тоже участвовал? Значит, снова дрались с братьями Кэррин?

– Нет, не угадала. У нас с ними перемирие.

– Ага, ясно. Опять подрался с Ридом.

– Ну...

– И что вы все с ума сходите? Пора бы тебе уже поумнеть.

– Кажется, ты повторяешься.

– Потому, что ты не меняешься.

– Ну, хватит, Алета. Перестань меня воспитывать. Скажи лучше – в каком ты вагоне?

– В пятом.

– А я в тринадцатом. Ненавижу это число, оно приносит мне несчастье. Слушай, давай поменяемся, а? Всю жизнь мечтал проехаться в пятом вагоне!

– Ну, давай. Мне все равно.

В этот момент раздался голос из радиогромофона, объявляющий посадку, и друзья, быстро обменявшись билетами, поспешили занять свои места. Алета устроилась поудобнее в кресле, зная, что дорога займет несколько часов, и закрыла глаза. Она даже не заметила, как уснула. А через полтора часа поезд сошел с рельс.

Алета открыла глаза за минуту до катастрофы. Она даже не успела понять, что случилось. Страшный скрежет, крики и треск оглушили ее. Вагон завалился набок, и девушку бросило на окно, потом на пол и снова на окно. Она услышала звон разбившегося стекла и уже в следующую секунду потеряла сознание.

Солнце пекло немилосердно, его яркие лучи заливали светом страшную картину – место крушения поезда. А кругом был зеленый лес, где весело щебетали птицы, стрекотали кузнечики, и летали бабочки...

Алета очнулась, когда солнце уже клонилось к закату. Она огляделась и поняла, что лежит на насыпи среди осколков стекла. Девушка осторожно приподнялась и села, прислушиваясь к своим ощущениям. Болела рука и голова, но, осмотрев себя, она поняла, что легко отделалась: ссадиной на локте и на лбу. Алета поднялась на ноги и осмотрелась. Лучше бы она этого не делала! То, что предстало ее взору, навсегда осталось в ее памяти, мучило кошмарами по ночам и полностью уничтожило в ее душе ту веселую, беззаботную и счастливую девчушку, которой она была в детстве.

Дыхание перехватило, день на миг стал ночью, Алета покачнулась и...устояла. Заставила себя снова посмотреть на искореженные вагоны, изуродованные тела и страшные лица. Бросив быстрый взгляд кругом, она увидела в нескольких шагах от себя двоих мужчин, которые молча шагали по насыпи, отыскивали еще живых людей и осторожно относили их в сторону, не заботясь пока о мертвых. Алета бросилась к ним.

– Ради Бога, господи, скажите, что случилось?

– Очевидно, неполадки с управлением, поезд сошел с рельс. Как ваше имя?

– Алета Беверли.

Тот, кто ответил девушке, на минуту остановился и записал в блокноте ее имя.

– Вы ехали одна?

– Да.

– Тогда вам нечего опасаться и волноваться. Идите в конец состава, там много народу, и есть еда. Там ждите помощь, хотя...

– Что?

– Не хотелось бы вас пугать, мисс Беверли, но вряд ли ожидание будет коротким. Мы застряли посреди леса, неизвестно есть ли поблизости населенные пункты. Правда, несколько человек пошли на поиски.

– А...а пострадавших много?

– В той стороне нет почти, так что не бойтесь. Больше пострадали передние вагоны. А вы ступайте и...что с вами? – в его голосе послышался испуг. Мужчина решил, что девушка сейчас упадет в обморок: смертельная бледность залила ее лицо, широко распахнутые глаза словно остекленели. А она его уже не слышала, перед ней как наяву встала высокая фигура ковбоя, мальчишеская улыбка, и звонкий голос зазвенел в ушах: «...я в тринадцатом...ненавижу это число...Слушай, давай поменяемся, а?...»

– О, Господи! Кэйд... – прошептала Алета и, отмахнувшись от расспросов мужчин, резко подхватила подол юбки и зашагала по насыпи, пытаясь понять, где может находиться пятый вагон. – Прости меня, Кэйд...

Она забыла о страхе и тошноте, подкатившей к горлу в первый миг, когда она увидела искалеченные тела людей. Девушка медленно брела по насыпи, вглядываясь в каждое лицо, приподнимая тех, кто лежал лицом вниз, заглядывая под обломки вагонов, и лишь изредка позволяла себе остановиться и отдышаться.

Через полтора часа Алета, наконец, нашла ковбоя. Он лежал на потолке в перевернувшемся вагоне, придавленный стенкой, изогнувшейся от удара. Железный край искореженной стены глубоко вонзился в его плечо.

Алета, почти не соображая, что делает, подхватила железную палку с земли и, действуя ею как рычагом, попыталась приподнять стенку. Но ей, конечно, было не под силу такое сделать.

Она уже хотела позвать на помощь, но тут же передумала. Девушка поняла, что это бесполезно. Они не станут тратить время на мертвого, слишком много еще было раненых. Алета не сомневалась, что Кэйд погиб, она не могла представить, чтобы кто-то смог выжить после такого удара вагона о землю, от которого даже изогнуло стену. Но она решила во что бы то ни стало вытащить его тело. Скоро наступит ночь, и девушка просто не могла представить себе, что она уйдет куда-то и заснет, а бедный Кэйд так и останется лежать в пустом изломанном вагоне, придавленный стенкой.

Алета протянула руку и осторожно отвела волосы с его залитого кровью лица, медленно села на землю.

– Кэйд...ну почему это случилось с тобой? – прошептала она в отчаянии, пытаясь сдержать слезы. – Я должна вытащить тебя отсюда, чего бы мне это не стоило...и я это сделаю,... если только чуть-чуть подумаю и пойму, что можно сделать... только бы не заплакать! Если я сейчас заплачу, то уже ничего не смогу для тебя сделать...

Внезапно она заметила, что ковбой лежит, перегнувшись через балку, а не на самом полу. Алета чуть подвигала ее и, поняв, что сможет ее вытащить, резко дернула балку на себя. Тело Кэйда, потеряв опору, опустилось ниже, и край стенки вышел из его плеча. А с губ ковбоя неожиданно сорвался стон. Алета ахнула, с размаху сев на землю. Потом неуверенно улыбнулась, в душе затеплилась надежда.

– Кэйд? – позвала она. – Кэйд, ты меня слышишь? Ответь, пожалуйста. Ну, хоть застони еще раз...

– Алета... – хрипло отозвался Кэйд и умолк, ему было больно говорить. Именно боль привела его в чувство, а прохлада спустившихся сумерек помогла собраться с мыслями, освежив голову.

– Ты жив! – выдохнула девушка. – О, Кэйд,...слава богу! Ты жив,...потерпи, я сейчас тебя вытащу...

Но это оказалось не так-то просто. Он был тяжелым и к тому же ничем не мог помочь ей, боль в плече не позволяла шевелиться. Стиснув зубы, Кэйд пытался сдержать болезненные стоны. Когда через полчаса Алете удалось, наконец, вытащить его полностью и уложить на траву, девушка без сил упала рядом. Немного отдышавшись, она приподнялась на руках и заглянула в лицо друга. Было уже совсем темно, но свет луны позволял вполне отчетливо все видеть.

– Кэйд, ты жив? – встревожено спросила Алета, видя, что он лежит, закрыв глаза и еле слышно дыша. Но, услышав ее голос, он открыл глаза.

– Да...почти...

– Слава Богу! Я так боялась. Я решила, что ты умер и...это я во всем виновата...

– Замолчи...все будет хорошо. И не забывай, что поменяться билетами...была моя... идея. Ты тоже могла...погибнуть...

– Сам замолчи, – ласково перебила его Алета. – Ты же еле дышишь, береги силы. Дай-ка я осмотрю тебя.

Тщательно, чтобы ничего не пропустить, Алета обследовала ковбоя, но, кроме ужасной раны на плече, не было ничего, внушавшего опасения. Несколько синяков, пара ссадин и ушибов. Но она заметила, что из раны постоянно сочится кровь.

– Ничего серьезного, до свадьбы заживет, – бодро проговорила она и быстро начала отрывать полоску ткани от подола своей широкой юбки. – Нужно только остановить кровь, а утром подоспеет помощь...Ты прав – все будет хорошо...

Продолжая бормотать что-то успокаивающее, девушка ловко перевязала рану, чтобы остановить кровотечение. Кэйд снова потерял сознание, но теперь его дыхание стало глубже и ровнее. Алета легла рядом и задумалась, глядя в ночное небо. Голос Кэйда, вновь пришедшего в себя, раздался совсем рядом:

– Теперь тебе придется все-таки выйти за меня замуж, красавица, – с трудом проговорил он. – Я тебя жутко компрометирую, лежа здесь, рядом с тобой, да еще ночью!

Алета тихонько рассмеялась на шутку.

– Только через мой труп, красавчик....Постарайся уснуть, Кэйд. Это пойдет тебе на пользу.

Он снова затих, и по его выровнявшемуся дыханию Алета поняла, что он уснул. И она снова вернулась к своим мрачным размышлениям. «Что же делать? Он потерял много крови, и хотя я сделала жгут, Кэйд может не дотянуть до утра. Нет, я должна верить, что он это выдержит. Он крепкий парень, здоровый, закаленный... Но что если помощь придет лишь под вечер? На станцию поезд должен был прибыть лишь на рассвете, только потом начнут беспокоиться и выяснять, почему состав не приехал вовремя... Господи, помощь может явиться только послезавтра или в лучшем случае завтра к вечеру. Он не выдержит так долго...но, может быть, здесь есть врач? Там, в другом конце поезда?...»

Новая надежда придала девушке сил. Она тихонько, чтобы не разбудить Кэйда, поднялась и, осторожно выбирая дорогу, пошла в конец поезда. В этом месте дорога делала крутой поворот, поэтому, только завернув за угол, Алета смогла увидеть костры. Около этих костров собрались те, кто остался в живых, сумел пережить этот день. На огне готовили еду и грели воду, взятую из небольшого ручья неподалеку.

Увидев огонь, девушка радостно вскрикнула и бросилась бегом. Но эта поспешность дорого обошлась ей, – зацепившись подолом за какую-то железяку, Алета не смогла удержаться на ногах и упала. Резкая боль пронзила ушибленный затылок, и она потеряла сознание...

Алета не знала, сколько пролежала без чувств в этот раз. Она очнулась от того, что кто-то тихо звал ее, слегка дергая за волосы. Но она не могла разобрать имени. А в детском голоске все отчетливее слышалось отчаяние, звенели слезы...

Алета заставила себя сесть и тут же застонала от резкой боли, пронзившей руку. С трудом вспомнив, где она находится, Алета огляделась. Кругом по-прежнему было темно, и девушка была бы рада этому, если бы ей не нужно было идти дальше. Но зато не видно, сколько изувеченных, покалеченных людей лежит рядом. Передернув плечами от страха, Алета встала.

– Мама... – снова послышался жалобный детский голосок, и чья-то маленькая ручка вцепилась в юбку девушки, вернее, в те лохмотья, что от нее остались. И столько горя, отчаяния и надежды одновременно прозвучало в этом слове, что Алета не могла не откликнуться.

– Я здесь, моя маленькая... я с тобой...

Гораздо позже вспоминая это, Алета не могла понять, почему она решила, что рядом с нею девочка. Наверно, это был голос интуиции... Но сейчас она не думала об этом, а просто ответила и тут же ощутила, как прижалось к ней хрупкое тело ребенка. Подхватив девочку на руки, Алета принялась гладить ее по волосам и спине, чтобы хоть немного успокоить. А сама попыталась осмотреться, чтобы понять, где находится и куда идти дальше.

В полусотне шагах от нее по-прежнему горел костер. Алета пошла к нему, стараясь не запнуться и не наступать на людей. У костра вопреки ее ожиданиям сидело всего четверо: женщина, два молодых парня и старик. Остальные раненые лежали чуть поодаль.

– Здравствуйте, – проговорила Алета, добравшись до костра. Измученные, уставшие, они едва отозвались на ее приветствие.

– Извините, но я хотела бы узнать, нет ли здесь врача? – вежливо обратилась она к женщине, но та окинула ее таким хмурым взглядом, что Алета невольно крепче обняла девочку.

– Нет, – резко ответила женщина. – Здесь нет врача, это тебе не больница.

Алета закусила губу.

– Не грубите, пожалуйста. Эта катастрофа принесла горе не только вам, но и мне, и сотням других людей. Но это не повод вести себя так грубо...

– Заткнись, девка! – закричала та. – И проваливай отсюда. Не суй нос не в свои дела! Из-за этой чертовой катастрофы, из-за придурка машиниста я все потеряла: деньги, документы...

– Да вы с ума сошли?! – чуть повысив голос, перебила ее Алета. – На этой дороге сотни людей потеряли свои жизни! А вы плачете о деньгах... И не кричите, вы напугаете мою дочь. Скажите лучше, где я могу отыскать доктора, иначе число погибших еще увеличится.

Пораженная ее словами и твердым тоном, женщина замолчала, не найдя, что возразить. Зато отозвался старик:

– Нет здесь доктора, мисс. Только раненые.

– Нет врача? А...а у тех костров? – Алета кивнула в сторону, где горело еще несколько костров.

– Нет, – покачал головой старик. – Там тоже нет доктора.

Алета, растерявшись, тоже присела, машинально продолжая гладить девочку по голове. Сейчас у огня она могла получше рассмотреть ее. Ей было года три, но она была довольно худенькой даже для этого возраста. Длинные темные волосы спутались, а в огромных синих глазах застыла печаль.

– Как дочку-то зовут? – спросил вдруг старик, и Алета смутилась, не зная, что ответить. Но тут ее неожиданно выручила девочка, спокойно заявив:

– Меня зовут Кэтлин. Это красивое имя.

– Да, – с улыбкой кивнул старик и перевел взгляд на Алету. – А муж где?

– Там, – Алета махнула рукой в ту сторону, откуда пришла. – Он тяжело ранен, и я хотела отыскать врача...

– завтра приедет помощь...

– Нет, – она в отчаянии покачала головой. – Он может не дожить до завтрашнего вечера.

– А вы машину водить умеете?

– Д-да, но... почему вы об этом спрашиваете?

– Сейчас объясню, – ответил старик. – В самом последнем вагоне стоят автомобили, новенькие еще... и вагон, по счастью, совсем не пострадал, только стенка передняя отвалилась. У меня есть канистра бензина, дочка моя (он кивком указал на женщину) знает, как проехать до города, но, к сожалению, ни один из ее оболтусов – сыновей (кивок в сторону парней) не умеет водить машину. Мы могли бы договориться, а? Что скажете, мисс?

Алета бросила быстрый взгляд в сторону парней, которые все это время бесцеремонно разглядывали ее и обменивались вполголоса впечатлениями.

– Я согласна, но при условии, что ваши, как вы выразились, оболтусы останутся здесь. К тому же посудите сами: вы даете бензин, ваша дочь – знание дороги, я – умение водить автомобиль, а что могут дать они?

– А ваш муж? – резко спросила женщина.

– Мой муж серьезно ранен, – не менее резко ответила девушка. – Если бы не это, я ни за что не согласилась бы на эту авантюру, потому что по сути своей – это обычное воровство, ведь машина принадлежит не нам, – девушка пожала плечами и закончила: – Впрочем, если вы не согласны, я настаивать не стану.

– Мы согласны, – кивнул старик. – Им некуда спешить, пусть остаются здесь и ждут помощи. Пойдем.

Он поднялся и зашагал в темноту, женщина побежала за ним, что-то выговаривая ему, и Алета пошла вслед за ними, краем глаза отметив ошарашенное выражение на лицах парней. Но при этом они даже не пытались протестовать. Наверно, в их семье главой был дед! Усмехнувшись, Алета прибавила шаг. Когда она подошла к вагону, старик с помощью дочери уже выкатил один из автомобилей и заливал бензин. Девушка не заметила, откуда он достал канистру, но ей было наплевать на это. Сейчас главное то, что она сможет довезти Кэйда до города и найти для него врача.

Она слышала, как женщина прошептала старику что-то насчет того, что их могут посадить за эту кражу, но старик лишь прошипел в ответ: «Заткнись! Лишь бы добраться до города, а потом мы оставим машину этой девчонке, пусть с ней и разбираются...»

Но это Алету тоже не беспокоило. Она знала, что ее отца многие знают и уважают, он сумеет все уладить. Женщина подошла к ней и зашептала на ухо, объясняя дорогу.

Когда Алета, усадив девочку рядом, села за руль, старик с дочкой забрались на заднее сиденье, и женщина уже в полный голос посоветовала:

– Поезжай прямо по рельсам, они почти полностью свободны.

Через пять минут, крепко прижимая к себе маленькую Кэт, Алета шла между обломками вагонов, разыскивая Кэйда. Она отказалась, когда старик предложил помочь довести мужа до машины. Алета надеялась, что сон придал ковбою сил, и кроме того ей необходимо было поговорить с ним наедине. Она точно запомнила место и через несколько минут уже опустилась на колени рядом с Кэйдом.

– Кэйд, проснись, – тихо позвала Алета, наклонившись к нему. – Ну же, просыпайся...

– Алета? – сонно отозвался Кэйд.

– Как ты?

– Немного лучше.

– Сможешь подняться на ноги и немного пройти?

– Попробую... а что случилось?

– Я все объясню тебе, но сначала попытаюсь встать.

С трудом Кэйд все-таки удалось встать на колени, а потом и подняться на ноги. Алета обхватила его за талию, помогая удержать равновесие.

– Теперь слушай меня внимательно, – девушка быстро рассказала о машине и о том, каким образом она ее нашла. – Старик и его дочь сейчас сидят в автомобиле. Я сказала им, что ты – мой муж, а Кэт – наша дочь.

Кэйд издал звук, отдаленно напоминающий смешок, и тут же охнул от боли в раненом плече.

– Все ясно. Моя мечта все-таки почти сбылась! Хотя я рассчитывал, что первенцем у меня будет мальчик.

Алета тоже усмехнулась.

– Раз ты еще способен шутить, значит, все в порядке. Пошли...

– А Кэт...она... – Кэйд запнулся, не зная, как выразить свою мысль.

– Поговорим об этом позже, – быстро ответила Алета. – Без свидетелей...Сон и правда пошел тебе на пользу, – заявила она, когда они сумели довольно быстро добраться до машины. Алета усадила Кэйда на переднее сиденье, пристегнула ремнем безопасности и посадила Кэт к нему на колени. Потом села сама за руль и завела мотор.

– Ну что ж...в путь!

Через два с половиной часа впереди показались огни большого города. Выехав на хорошую дорогу, Алета прибавила скорость. Но на самой окраине старик попросил ее остановиться. Оба выбрались из машины и, едва буркнув «Прощайте», скрылись в темном переулке. Больше Алета никогда не встречала их.

Девушка продолжила путь и через четверть часа уже притормозила возле больницы. Ей удалось миновать без происшествий весь город, благо она уже давно знала его вдоль и поперек. И усмехнулась при мысли о том, что те двое не так спешили бы покинуть ее, если бы хотя бы догадывались об этом. В сущности Алета, едва отъехав от железной дороги, поняла, где находится и куда нужно ехать, но ни словом, ни знаком не дала парочке понять это. Ей вовсе не улыбалось и дальше мириться с их присутствием. Они ушли, и девушка вздохнула с облегчением. Теперь можно подумать и о своих делах.

* * *

– Думаю, ответа мы уже не дождемся, – сказала Ирина мужу, и эти же слова она повторила спустя три часа Александру, рассказав перед этим сыну обо всем, что было связано с Амандой. Рассказала об их знакомстве, о том, что она сделала для них с Матвеем, рассказала о Мэри и Леоне, и о сне, который после сегодняшней ночи лишил ее покоя.

Александр слушал внимательно, не перебивая. Родители редко вспоминали то время и почти никогда ничего не рассказывали. Поэтому теперь он старался ни слова не пропустить из рассказа матери.

– А сейчас, Сашенька, я расскажу тебе еще кое-что, о чем не знает никто, кроме меня. Я даже твоему отцу об этом не говорила.

Александр поднял на мать спокойный взгляд синих глаз.

– Перед смертью Аманды мы были втроем с Мэри. Аманда лежала, глядя на огонь, полыхающий в очаге, и говорила нам, что видит наше будущее. Она грезил наяву. Больше всего меня испугали ее слова об огне, который может дать жизнь, а может и забрать ее. Я до сих пор не могу понять, что она хотела этим сказать, и от этого только страшнее...

– А что еще она сказала?

Ирина вздохнула.

– Она сказала, что у нас будет шестеро детей... Аманда оказалась права, хотя мне жаль, что на мою долю досталось только двое: ты и Анжи. У Мэри четверо: сын Адам и три дочери. Адам – твой ровесник, он настоящий ковбой. Старшая дочь Мэри, Алета, как и говорила Аманда, стала ослепительной красавицей. Сейчас она учится в Чарльстоне. И две младшие сестры – близнецы, недавно они отпраздновали восемнадцатилетие. К сожалению, я мало о них знаю, мы с Матвеем уже почти двадцать лет не бывали на ранчо. Как только начинаем собираться, обязательно что-то помешает.

– А почему ты не говорила мне об этом? – удивился Александр. – Я пересек Америку вдоль и поперек, чисто случайно миновал их край. Ты должна была сказать мне раньше.

– Я как-то не думала об этом, – пожалала плечами Ира. – Если бы не сон, я и не вспомнила бы обо всем этом. Аманда сказала, что им, то есть Адаму и Алете будет очень плохо, и только вы – мои дети – сможете им помочь.

– И ты этому поверила?

– Да. Я верю всему, что сказала Аманда. Ее слова насчет нашей с твоим отцом разлуки подтвердились. Она говорила, что мы обретем счастье в самой необъятной стране мира. Если Россия – не эта самая необъятная страна, то назови мне другую.

– М-да... И ты думаешь, мама, что я должен поехать туда?

– Да, я очень хочу этого. Я чувствую – что-то случилось, что-то страшное... Если это подтвердится, ты поедешь?

Телефонный звонок дал Александру возможность не отвечать немедленно. Но мать, подняв трубку и немного послушав, так изменилась в лице, что сейчас он согласился бы на что угодно. Ира медленно положила трубку и невидящим взглядом уставилась в пространство.

– Мама, что случилось?

Ирина судорожно вздохнула и села на диван, потом посмотрела на сына.

– Мэри и Леон погибли... автокатастрофа...

– О, Господи! – потрясенно выдохнул Александр и сел рядом, обняв мать. Она заплакала.

– Бедные дети! Аманда и здесь оказалась права... она ведь предупреждала Мэри... еще тогда...

– Значит, она окажется права и во всем остальном, – успокаивающе проговорил сын. – Я поеду к ним и помогу, чем смогу. Только... если они ни о чем не знают, то могут не поверить мне, понимаешь? И не позволят мне остаться.

Ирина вытерла слезы и слабо улыбнулась.

– Знаешь, ты похож на отца. Вы всегда так предусмотрительны... Ты прав, но у меня есть средство помочь тебе в этом, раз уж я не могу пока уехать с тобой.

– Почему не можешь?

– Твой отец не хочет отпускать меня, а сам не может сейчас покинуть фабрику.

– Ясно. Ну и чем ты можешь помочь своему сыну, который будет работать палочкой – выручалочкой?

Ирина снова улыбнулась и погладила его по голове.

– Видишь ли, и ранчо и фабрика отца оформлены на всех вас. Я имею в виду – на всех наших шестерых детей. Это была идея Леона, и отец был полностью согласен, да и я тоже.

– Ты хочешь сказать, что...

– ...что ты имеешь полное право приехать на ранчо как к себе домой и даже принять участие в управлении, – подхватила она. – Тем более, что в Америке немного иные традиции. Там мужчина имеет преимущество перед женщиной, так что все решать будет Адам. И я надеюсь, что вы с ним подружитесь.

– Я тоже надеюсь. Но, мама, я не могу уехать сейчас. Возможно, эта поездка займет много времени. Я должен подыскать себе замену на работе, иначе отец меня убьет! И еще со Светкой надо поговорить... хотя... впрочем, это не важно.

– Конечно, сынок, я понимаю. Да я и не говорю, что ты должен уехать завтра же. Возможно, даже лучше будет, если пройдет какое-то время, все уляжется....Кстати, знаешь, как называется их ранчо?

– Как?

– «Магнолия»!

Александр усмехнулся.

– Как и фабрика отца! Я должен был догадаться.

Мать и сын еще долго беседовали, сидя на диване в гостиной. Ирина хотела, чтобы ее сын как можно больше узнал о ее подруге и их семье.

Глава 3

Алета в задумчивом ожидании ходила по больничному коридору, десять шагов в одну сторону до окна, обратно до банкетки, и восемь в другую сторону – до двери, за которой врач сейчас осматривал Кэйда. Девушка беспокоилась: похоже, доктор не поверил ее рассказу о поезде и, скорее всего, решил, что Кэйд пострадал в результате уличной драки.

Маленькая Кэтти уснула, сидя на банкетке, и не открыла глаз даже тогда, когда Алета уложила ее поудобнее.

Наконец ожидание закончилось, доктор вышел из кабинета, и Алета бросилась к нему.

– Как он, доктор?

Тот посмотрел на нее тяжелым взглядом и вздохнул.

– Вы – его подруга?

Возмущенная пренебрежительным тоном, Алета гордо выпрямилась и резко ответила, не моргнув глазом и прямо глядя в лицо доктора:

– Я – его жена!

– Хм... что ж... вынужден вас огорчить: ему необходима операция.

– Что?

– Он потерял много крови, но не это самое страшное. Хуже всего то, что рана воспалилась и загноилась. Придется отнять руку, иначе...

– Нет! – воскликнула девушка. – Этого нельзя делать, доктор. Как он потом будет жить?!

– Если не сделать сейчас операцию, он вообще может умереть.

– А если он останется инвалидом, то пустит себе пулю в лоб!

– Ну, не преувеличивайте...

– Ничуть, я его знаю как саму себя. Пожалуйста, доктор, ну сделайте что-нибудь! Ведь есть же лекарства... я не знаю... Ну, пригласите других врачей, может, они что-нибудь посоветуют.

– Единственный совет в этом случае – операция. И как можно скорее. Если не возражаете, я бы хотел начать подготовку, – сухо ответил врач.

– Нет! – резко перебила его девушка. – Я не позволю вам это сделать.

В отчаянии она заметалась из угла в угол. Доктор некоторое время молча следил за ней взглядом, потом спросил:

– Что же вы будете делать?

Алета вдруг остановилась. Новая мысль осенила ее, подарив новую надежду. «Джейми! Она все умеет, она вылечит его... она уже столько поставила на ноги...» Окрыленная этой надеждой, она решительно повернулась к доктору:

– Помогите мне посадить его в машину. Мы уезжаем.

– Уезжаете?! Вы с ума сошли! Ваш муж умрет у вас на руках и...

– Не ваше дело.

– Но куда вы едете?

– Домой. Кэтти, дочка, просыпайся, мы едем домой.

Кэйд очнулся, когда до ранчо оставалось около двух часов езды, но сам не сразу понял это.

– Алета? Где мы?

– Мы едем домой, – отозвалась девушка. – Как ты себя чувствуешь?

– Плохо... все тело горит... пить хочу...

– Прости, у меня ничего нет. Потерпи, Кэйд, мы почти дома.

Она немного помолчала и заговорила, быстро, словно боясь, что не хватит решимости договорить до конца.

– Доктор, который осматривал тебя, сказал, что необходима операция, что если... не сделать операцию – ты умрешь. Он сказал, что если... что нужно отнять руку, иначе начнется заражение, и уже хотел начать подготовку к операции, но я не позволила ему это сделать. Я везу тебя домой, к Джейми.

Через минуту молчания Кэйд тихо ответил:

– Спасибо. Лучше смерть, чем... я рад, что мной займется Джейми.

Алета кивнула и продолжила. Она не могла молчать, потому что на сердце ее словно камень давило какое-то неясное тревожное предчувствие. И чтобы отогнать это чувство, девушка продолжала говорить, зная, что Кэтти сейчас спит и не слышит ее слов.

– Я хочу предупредить тебя, Кэйд, насчет этой девочки – Кэт. Ты помнишь ее? Я нашла ее там, у поезда. Точнее, это она нашла меня. Но я решила взять ее домой и сказать всем, что это моя дочь.

– Но Алета...

– Я все посчитала. Ей около трех лет. Три года назад я уехала учиться и тогда же почти полгода не приезжала домой. Я знаю все твои возражения, но... она называет меня мамой, Кэйд, с такой отчаянной надеждой в голосе, она пережила шок... Я не имею права говорить ей, что она ошибается. Это было бы слишком жестоко, Кэйд.

– Да, я понимаю тебя, но Алета, ты не должна... что ждет тебя?

Алета небрежно пожала плечами.

– Родителям я скажу правду. Они меня поймут и помогут. А на остальных мне плевать. Пусть думают, что хотят.

– А Джон? – тихо спросил ковбой. Кэйд давно знал, что Алета влюблена в Джона Кеннона, хотя сам его недолюбливал. Впрочем, до сих пор им нечего было делить, и Кэйд сам не мог бы толком объяснить причину своей неприязни к Джону. Чувства к Алете здесь были не причем, Кэйд всегда относился к ней, как к сестре, которой у него никогда не было. Скорее всего, дело было в том, что у них с Джоном было много общего. Джон, как и Кэйд, был единственным ребенком в семье и сейчас тоже пытался управлять ранчо самостоятельно, но у него не очень-то получалось. Кэйд втайне считал, что если бы не помощь отца, Джон не протянул бы и года.

– Джон? – задумчиво переспросила Алета. Она как-то совсем забыла о нем. Конечно, она любила этого человека, он чем-то напоминал ей отца, и был красив, как Апполон. Но с той первой встречи с ним наедине прошло много времени. Сначала Джон был для девушки прекрасным Принцем в блестящих доспехах на белом коне, но постепенно за привлекательной внешностью она разглядела весьма посредственную душу. Но все равно любила его и верила, что рано или поздно он изменится и станет более серьезно относиться к делам. Алета знала, что Джон завидует Кэиду, и, хотя не раз пыталась их примирить, понимала, что все бесполезно. Слишком сильна была зависть Джона к более удачливому в делах, красивому соседу. Это была почти ненависть. И Алета перестала надеяться на то, что со временем они поладят.

– Ты ведь его любишь? – голос Кэйда прервал ее горькие размышления. – Что ты ему скажешь?

Она снова пожала плечами.

– Ничего. Если любит, то простит... а потом я расскажу ему правду.

– А... если не простит?

– Значит, не любит. Тебе-то что? – вдруг разозлилась девушка. – Ты радоваться должен, ты же его ненавидишь.

– Нет, – покачал головой Кэйд. – Просто он мне неприятен.

– Почему же?

– Ну, ... не знаю... – прошептал ковбой и умолк, Алета тоже молчала. В отчаянии закусив губу, она вела машину, сосредоточенно вглядываясь в темноту и надеясь, что бензина хватит

до дома. На рассвете она проехала через знакомый с детства городок Лувр, последний на ее пути к ранчо.

Алета оставила машину на площади и зашла в бар. Бармен, до этого дремавший за стойкой, удивленно уставился на нее, и на лице его появилось странное выражение жалости смешанной с печалью.

– Привет, Берни. У тебя есть горячее?

– Н...нет, – запнулся он и вдруг зачастил: – Мне так жаль, мисс Алета, так жаль! Я вам сочувствую, мне так жаль мистера и миссис Беверли...

– Подожди, Берни, не таракти, я ничего не понимаю. Что случилось?

– Как...вы...вы что же, ничего не знаете?

– О чем? – еще больше взволновалась Алета. – Что я не знаю?!

– Что ваши родители...погибли,...говорят, автокатастрофа...

– Нет, я не знала... – пролепетала девушка и умолкла. Бармен что-то тараторил, видимо извиняясь и коря себя за болтливость, но Алета его не слышала. Наконец, усилием воли отогнав мрачные мысли, встала и, взяв со стола бутылку газировки, вышла на улицу.

При переезде через реку машину несколько раз сильно тряхнуло на камнях, и Кэйд, как-то странно охнув, обмяк, навалившись всем телом на ремень.

– Кэйд! Кэйд, что с тобой?

Но он не отвечал на ее испуганный голос. Остановив машину, девушка с трудом перетаскала его на заднее сидение и уложила там. По лицу ее покатались слезы, но она не замечала их.

– Мама! – прозвенел из темноты голос ребенка, и Алета уловила в нем нотки страха. – Мама, дядя умрет?

– Нет, милая, конечно же, нет.

Алета обхватила Кэйда за плечи, пытаясь устроить поудобнее, и почувствовала, как на руку ее хлынула теплая жидкость.

– С ним все будет в порядке, солнце мое, – проговорила девушка. – Приглядывай за ним, хорошо? А если он откроет глаза, скажи мне, ладно?

Девочка закивала, преисполнившись важности от того, что ей поручили такое ответственное дело. Алета снова села за руль.

Когда она подъехала к ранчо, было уже совсем светло. Девушка вздохнула бы с облегчением, но... на сердце непосильным грузом давили невыплаканные слезы. Она вышла из машины и почувствовала еще большую тревогу. Ранчо было как-то странно тихо и молчаливо. Никто не выбежал навстречу незнакомой машине, не видно слуг, не слышно голосов...словно вымерло все...

Но на крыльце девушка заметила одинокую фигуру сидящего ковбоя и, тут же узнав его, окликнула. Это был Джейк Ран, муж Тины, которая служила на ранчо горничной.

Услышав ее голос, Джейк, сидевший уткнувшись лицом в колени, поднял голову и, увидев молодую хозяйку, тут же бросился ей навстречу.

– Ох, Джейк! Как же я рада тебя видеть.

– Мы тоже, мисс, очень рады, что вы, наконец, вернулись.

В его голосе девушка услышала такое горе, что поняла: бармен сказал ей правду. И все же что-то еще тревожное послышалось ей, и Алета с волнением всмотрелась в усталое, бледное от горя и слез лицо.

– Что случилось, Джейк? Почему никого нет? Где Адам, сестры? Где все, Джейк? Отвечай! Да не молчи же! – она почти кричала на него.

– Так вы не знаете, мисс? Я думал, вы потому и приехали, что узнали.

– О чем? Да говори же ты толком!

– Ваши родители поехали в Атланту, а вчера утром позвонил какой-то человек и сказал, что...произошел несчастный случай... – на глазах Джейка снова появились слезы, и он закончил почти шепотом, – они погибли...

– О, Боже! А я не поверила... – прошептала Алета онемевшими губами и схватилась за перила крыльца, чтобы не упасть. – Как же так, Джейк?

– Мне жаль...

Внезапно она посмотрела на него пристальным взглядом, глаза были сухи, сейчас она не могла позволить себе заплакать.

– Что еще, Джейк? Что еще случилось? Я знаю, я чувствую, что это еще не все...так?

– Да, мисс, – немного растерявшись от неожиданности, ответил ковбой. – Но я не...

– Говори. Я хочу знать все.

– Хорошо. Дело в том, что молодой хозяин...он очень расстроился, когда узнал и поехал прокатиться, чтобы немного успокоиться. Но взял не своего коня, а нового мустанга...его недавно поймали, он еще необъезженный был...Я говорил хозяину, но он меня не послушал. Расстроен был сильно и...мустанг сбросил его...у тополя...

– Он жив? – почти спокойно спросила девушка, не глядя на Джейка.

– Да, да, не волнуйтесь, мисс. Но он болен...Джейми говорит, что не знает, как лечить. Я привез доктора из города. Он и сейчас здесь.

– Ты молодец, Джейк. А сестры? Как она?

– Они слегли, мисс, но Джейми говорит, это ничего, это от горя...

– От горя, – прошептала Алета, приложила руку к груди и закрыла глаза, мечтая уснуть, и чтобы все это оказалось лишь плохим сном, кошмаром...

Девушка открыла глаза и выпрямилась. Нет, она не имеет права сдаваться. Адам и сестры больны. Если она тоже заболеет, кто позаботится о них? О ранчо? Алета как наяву слышала голос матери: «У нашей семьи всегда был один девиз: «Никогда не сдаваться без борьбы», запомни его».

– А ты на моем месте смогла бы выстоять и бороться, мама? – прошептала Алета и поняла: да, она не позволила бы себе сдаться.

– И Роза больна, мисс Алета, – добавил Джейк.

– Что с ней?

– У нее лихорадка. Джейми говорит, нужны лекарства, а у нас ничего нет...

– Ничего, я что-нибудь придумаю, Джейк, – Алета справилась со слезами, но знала, что нужно чем-то занять себя, иначе она не выдержит, сорвется. – А ты сейчас пойдешь...в машине лежит раненый, перенеси его в комнату для гостей. Это мистер Кэйд. Он ехал вместе со мной в поезде и сильно пострадал, когда поезд сошел с рельс. Скажи, чтобы Джейми осмотрела его рану.

– Какое счастье, мисс, что вы не пострадали!

Алета на миг замерла, подумав, что стало бы с их семьей, если бы и она еще как Кэйд лежала под обломками вагона, и, послав в душе горячую благодарность небесам, пошла вслед за Джейком к машине. Открыв дверцу, девушка сначала помогла выбраться девочке и подхватила ее на руки.

– Кэт, солнышко, ты в порядке?

– Да, мама.

Джейк смотрел на них, разинув рот от удивления, и губы Алеты тронула слабая улыбка.

– Познакомься, Джейк, это моя дочь – Кэтлин. Кэт, это Джейк, наш лучший ковбой.

– Очень рад познакомиться с вами, маленькая мисс, – неуверенно улыбнулся Джейк в ответ на приветливую улыбку девочки.

– Как дядя? – спросила Алета.

– Он ни разу не открывал глаз, – сообщила Кэт. – И все время молчал. И только один раз пошевелил рукой.

Алета вдруг снова почувствовала смертельную тревогу, заметив, что волосы девочки намокли в крови.

– Кэт, милая, ты ударилась головой? У тебя что-нибудь болит?

– Нет, мама, не волнуйся. Это кровь дяди. Она все капала и капала, а я не хотела, чтобы она капала. Это плохо.

– О, Господи! – Алета покрепче прижала девочку к себе, глядя, как Джейк вытаскивает из кабины отяжелевшее, неподвижное тело Кэйда.

– Джейк, – голос ее дрогнул. – Он...он...

Алета не могла заставить себя произнести это слово. Она чувствовала, что это предел. Еще одного горя она не выдержит.

– Нет, мисс. Он жив. Но...тут столько крови...

Джейк поднял Кэйда и пошел в дом. Алета направилась за ним, но потом свернула к кухне. Кэт хотела есть. Накормив девочку, она поднялась в свою комнату и уложила ее на постель.

– Кэтти, ты должна поспать, ладно?

– А ты не уйдешь?

– У меня много дел, милая, но я вернусь, когда ты проснешься.

– Ладно...

Алета вздохнула.

– Малышка моя, откуда же ты взялась? – вполголоса проговорила она задумчиво и неожиданно для себя услышала ответ:

– Я убежала от них...они злые...я не хочу обратно...

– Они? Кто они?

– Они остались там...ты теперь моя мама, правда?

– Да, правда, – твердо ответила девушка и, взяв девочку за ручки, заставила встать на ноги. – А теперь давай снимать твои лохмотья, мы их выкинем, и ты их больше никогда не наденешь.

– А что же я буду надевать?

– А мы сошьем тебе кучу нарядов, купим костюм для верховой езды и две...нет, три пары самых красивых ковбойских сапожек. О,кей?

– Да, да, да, – засмеялась девочка.

Алета сняла с нее платице и ахнула в ужасе. Вся спина девочки была покрыта полузажившими рубцами от хлыста.

– Ох, Кэтти, девочка моя...

– Они уже почти не болят, мама, – сказала та, пожав худенькими плечами. Алета тряхнула головой.

– Ладно, давай-ка спать.

Девочка послушно забралась под одеяло и через минуту уже спала. Алета еще немного посидела возле нее, потом устало поднялась и пошла в комнату для гостей.

Джейми только что закончила перевязку раны Кэйда и теперь готовила какую-то смесь из сухих трав.

– Здравствуй, Джейми, – Алета устало обняла няню и опустилась на постель рядом с Кэйдом. – Как он?

– Не знаю, мисс Алета. Рана тяжелая, но вы правильно сделали, что привезли его сюда.

– Доктор хотел отнять руку, говорил, что это необходимо...

– Дурак этот доктор. Руку отнять никогда не поздно, попробуй потом приставить ее обратно. Да и не в этом дело. Просто он потерял много крови. Если бы не жгут, который сде-

лали вы, он был бы уже на том свете. Вы спасли его, мисс Алета, а я попробую достойно завершить вашу работу. С божьей помощью, он поправится.

Джейми вышла, и Алета, проведя пальцем по бледной щеке Кэйда, прошептала:

– Кэйд, не умирай. Не оставляй меня, Кэйд. Я не хочу потерять еще и тебя... – осторожно поцеловав друга в щеку, она получше его укрыла и вышла из комнаты, тихо прикрыв двери.

Джейми она нашла на кухне. Та молча подала ей чашку кофе и принялась готовить завтрак.

– Расскажи мне о брате, Джейми, – попросила Алета, по привычке устроившись за широким и длинным столом напротив Джейми, которая раскатывала тесто и ловко лепила пельмени.

– Что же сказать вам, мисс Алета? – вздохнула Джейми. – Чем я могу вас порадовать? Горе пришло в наш дом, сколько вам пережить пришлось... а сколько еще придется...

– Да, Джейми. И я как вспомню, что вчера еще в это время стояла на вокзале, радовалась жизни и весело болтала с Кэйдом... разве жизнь может вот так меняться? Это несправедливо! Разве может обычный человек это перенести? – в ее голосе зазвенела давно сдерживаемая боль.

– Выпейте кофе, мисс Алета... и знайте: обычный человек, может, этого бы не выдержал. Но вы не обычная дочь не обычных родителей. Всегда помните об этом.

Алета сделала глоток и прошептала:

– Так хочется плакать, Джейми, но я боюсь позволить себе это. Вдруг это меня лишит последних сил? Что тогда будет со всеми нами?

Джейми покачала головой.

– Нет, это только придаст вам сил. Поплачьте, а потом слезы высохнут, вы встанете и поймете, что жизнь продолжается, и значит надо что-то делать. И боль забудется и утихнет... время лечит все раны... Но сначала я расскажу вам о мистере Адаме и сестрах. Молодой хозяин упал с мустанга очень неудачно, ударившись о тополь. Доктор, что его осматривал, говорит, что поврежден позвоночник. Мистер Адам поправится, но не сможет ходить. Я думаю, что это еще не факт, все в руках Господа, но боюсь за молодого хозяина. Узнав о таком диагнозе, он, пожалуй, решит, что нет смысла жить дальше. Врач уже ушел, но оставил рецепты лекарств, я положила их на стол в кабинете. Это дорогие лекарства...

Джейми на минуту замолчала, и Алета спросила:

– А где сейчас Адам? В своей комнате?

– Нет. Я сказала, чтоб его отнесли в спальню ваших родителей... там нет окон...

– Понимаю, – кивнула Алета. – И оружия, надеюсь, там тоже нет... Но ему там будет плохо, это комната мамы и папы, которые...

– Ничего, он все равно еще без сознания. Доктор сделал укол и сказал, что мистер Адам будет спать еще сутки. За это время мы успеем подготовить другую комнату.

– Кабинет, – решила Алета. – Там всего одно окно, но его можно пока заколотить. Адаму там будет удобно, и ванная близко, и его любимые книги под рукой.

– Хорошо, – кивнула Джейми. – Мы с Джейком сегодня же подготовим кабинет.

– спасибо, Джейми. Теперь скажи мне, как чувствуют себя сестры?

– Мисс Арина тяжело больна. Я боюсь, как бы не началась горячка. Она постоянно бредит. А вот мисс Алина поправляется. Вчера она весь день плакала, ночью поднялась температура, и она слегла, но сегодня на рассвете, когда я заходила к ней, она спокойно спала. Когда проснется, будет, конечно, испытывать слабость, но и только.

– Странно, – Алета отставила пустую чашку и поднялась. – Я думала, что скорее наоборот: Алина заболит, а Арина все-таки устоит. Ну, ладно, я пойду, Джейми. Загляну к сестрам и Адаму и...немного посижу на крыше. Пусть никто туда не заходит пока. Я скоро вернусь.

Она пошла к дверям, но Джейми окликнула ее:

– Простите, мисс Алета, что я спрашиваю, но... кто эта девочка, что вы привезли с собой? Джейк сказал мне, но я ему не поверила.

Алета вздохнула.

– Хорошо, что напомнила, Джейми. Ее зовут Кэтлин, ей три года, и с сегодняшнего дня она – моя дочь. Для всех без исключения. Я бы хотела, чтобы ты осмотрела ее, когда она проснется.

– Но...

– Пойми, Джейми, я не могу поступить иначе. Да, я нашла ее там, у поезда, но об этом никто не должен знать. Они ее били, Джейми, у нее все тело..., – Алета замолчала, дыхание перехватило, но через минуту она твердо добавила:

– Кэт – моя дочь, и я никому не позволю забрать ее у меня.

Алета вышла, а Джейми тяжело вздохнула:

– Милая моя девочка,... что же ты с собой делаешь?!

* * *

Александр долго размышлял над тем, как ему объяснить свой отъезд Светлане. Он хотел бы сказать ей правду, но понимал, что она ему не поверит. Скорее, примет это за очередную попытку уклониться от серьезного разговора о свадьбе,... точнее, о предполагаемой свадьбе...

– О, Господи! – он раздраженно отшвырнул ручку и крутанулся на стуле. «Нет, это не пойдет. Лучше уж сказать ей о настоящей правде, о том, что на самом деле я не хочу и думать ни о какой свадьбе, что нам пора поставить жирный крест на наших отношениях, что...»

– Нет, не могу, – уже вслух сказал он, и Анжелика, вошедшая в кабинет, услышала его слова.

– Чего же ты не можешь, братик? – весело спросила она. Александр окинул нежным взглядом хрупкую фигурку сестры.

– Ты сегодня рано. Как практика? Все в порядке?

– В полном порядке, просто сегодня меня Коля встретил и подбросил до офиса.

– Понятно.

– Так что случилось? – Анжелика присела в кресло для посетителей напротив брата. – Чего ты не можешь сделать?

– Не могу сказать Свете, что уезжаю, что не люблю ее, что ни о какой свадьбе не может быть и речи. Это все как-то слишком жестоко получается... я не могу так...

– А я могу! Хочешь, я поговорю с ней?

Александр только рукой махнул, Анжелика пожала плечами.

– Да не волнуйся ты так. Светке только деньги твои нужны, ничего с ней от твоей правды не случится, – едко сказала Анжи и достала из сумочки сигареты.

– Эй, ты же бросила!

– Я передумала.

– Анжи!

– Ну, ладно-ладно, – девушка яростно бросила пачку в корзину для мусора. – Вообще-то я уже совершеннолетняя, так что давай завязывай с моим воспитанием.

– Фи, что за базарный тон! – шутливо протянул он.

– Я не шучу, – погрозила пальцем девушка. – Хватит мне уже нотаций.

– А как же будущий муж? Тоже ведь воспитывать будет.

– Муж? – фыркнула девушка. – Муж обьелся груш.

– Что так? – рассмеялся Александр.

– Да так, – Анжи неопределенно пожала плечами. – Наверно, я тоже не люблю Колю, как и ты – Светку. Вот только как сказать об этом ему?

– Хороший вопрос, – заключил ее брат и поднялся. – Ладно, хватит разговоры разговаривать, поехали домой. Мы и так уже опаздываем к ужину.

* * *

Алета сначала заглянула к Алине. В комнате царил полумрак. Алета не стала включать свет, а внимательно посмотрела на сестру. На нежном личике еще виднелись следы слез и перенесенных страданий, но сейчас девушка спала безмятежным сном, забыв обо всем. «За нее я могу быть спокойна», – решила Алета и пошла к Арине.

Та тоже спала, но ее сон был тревожен. Она почти в бессознательном состоянии металась на постели, одеяло оказалось сброшено на пол. С сухих потрескавшихся губ слетали обрывки непонятных фраз, голос был тихим и хриплым. Подойдя ближе, Алета прислушалась и вздохнула, услышав знакомое имя.

– Кэйд...Кэйд...любимый...

Для Алеты никогда не было секретом, что ее младшая сестра влюблена в ее лучшего друга. Раньше она часто задумывалась над тем, почему при этом они с Ариной ни разу не ссорились из-за Кэйда, почему ее никогда не тревожила мысль о том, что Кэйд тоже может влюбиться в Арину. И наконец, поняла: потому что она сама относится к Кэйду только как к брату. Между ним и Адамом была лишь одна разница – Кэйд не был сыном ее родителей. Алета поняла и то, что Арина об этом знает, поэтому они и не ссорились никогда. Но зато Арина была убеждена в том, что Кэйд любит ее старшую сестру, а Алета знала, что это не так.

«Жаль, что мы не поговорили об этом раньше», – подумала Алета. «Но ничего, еще будет удобный случай». Стоя сейчас у постели больной, метавшейся в жару сестры, Алета вдруг поняла, что и Кэйд равнодушен к Арине. Просто он все никак не может осознать этого, боится признаться самому себе. Она припомнила все свои беседы с Кэйдом и решила, что при любом даже самом коротком разговоре упоминалось имя Арины, и чаще о ней вспоминала не Алета, хоты иногда и говорила другу, чтобы он обратил внимание на ее сестру.

Алета подошла к постели и положила прохладную руку на горячий лоб сестры. Та замерла, и Алета тихо сказала:

– Успокойся, Арина. Он любит тебя, и вы скоро будете вместе...

И словно по волшебству нахмуренный лоб сестры вдруг расправился, исчезла вертикальная морщинка на переносице, дыхание выровнялось, и Арина тихо прошептала:

– Мама...

Алета, грустно улыбнувшись, укрыла сестру одеялом и тихо покинула комнату.

Лицо брата поразило девушку так, что она бессознательно поднесла руку к губам в немом крике, присев на край постели. Бледно-серое осунувшееся, с желтыми кругами под глазами оно напомнило ей то, что она видела вчера днем на залитой солнечным светом железной дороге. Его дыхание было ровным и таким тихим, что его можно было услышать, только наклонившись совсем близко к лицу. И это оказалось страшнее, чем горячечный бред Арины. И он лежал совсем неподвижно...

Алета встала и, двигаясь словно в тумане, поднялась на крышу. Свежий воздух в тени раскидистой пальмы помог ей немного опомниться от потрясения, и, опустившись на пол, Алета заплакала...

Около часа она лежала ничком на полу в тени той самой пальмы, которую когда-то привезла из Египта в подарок сестрам. Тело девушки содрогалось от рыданий...Как были счастливы они тогда! Это было года четыре назад, теперь пальма уже стала выше, чем все остальные растения...

Еще через час Алета перевернулась на спину и, посмотрев на небо, поняла, что уже наступил полдень. Она села и вытерла слезы. Джейми оказалась права, ей стало легче, правда нена-

много. Два часа назад девушка была в полном отчаянии: родителей больше нет, помочь некому, она одна, если не считать слуг и работников ранчо, и в доме полно больных людей, двое из них очень тяжело больны, на грани жизни и смерти. Сейчас Алета знала, что нужно делать, и знала, с чего начать. Она решительно поднялась на ноги и пошла в ванную. Сначала необходимо привести себя в порядок: умыться и переодеться.

Когда Алета спустилась вниз, она казалась другим человеком. Свежая прическа, чистый и удобный костюм для верховой езды, решительность во взгляде. Ее выдавали только необычайная бледность лица и покрасневшие от слез глаза.

– Джейми, приготовь мне кофе, пожалуйста, – попросила она няню, заглянув на кухню. – Я буду в гостиной.

Джейми кивнула, и Алета прошла в гостиную, но не задержалась там, а вышла на крыльцо, надеясь найти Джейка на прежнем месте.

– Джейк, – окликнула она, радуясь, что оказалась права, и он действительно снова сидел на широких ступенях крыльца.

– Приготовь для меня моего коня, я хочу съездить в город, и передай всем, что через несколько минут, когда они закончат обед, я жду их здесь. Хорошо?

– Да, мисс.

– И еще скажи мне, где сейчас тот мустанг, с которого упал мой брат?

– Он...на конюшне.

– Выпусти его.

– Что? – не понял Джейк.

– Отпусти его! Я не хочу его видеть здесь, отпусти его в прерию. И не задавай лишних вопросов!

– Да, мисс.

Джейк побежал исполнять приказание, а девушка вернулась в гостиную, где ее уже ждала Джейми с кофе.

– Спасибо, Джейми. Через полчаса я еду в город. Приготовь, пожалуйста, список необходимых лекарств, я зайду в аптеку, и список продуктов, если нужно.

– Хорошо. Мисс Алета, я осмотрела девочку, она здорова. Небольшое истощение и переутомление, но это быстро пройдет. Синяки и царапины тоже скоро сойдут. Через несколько дней Кэтти абсолютно поправится. Может, вы все-таки передумаете насчет нее?

– Спасибо, Джейми, и не волнуйся за меня. Все будет хорошо. Иди.

Тяжело вздохнув, Джейми ушла, а Алета с наслаждением отпила глоток ароматного напитка и принялась обдумывать то, что сейчас скажет работникам.

Когда через десять минут она вышла на крыльцо, то уже точно знала, что и как нужно сказать. Ковбои уже все собрались, Алета окинула взглядом толпу, заметив немного в стороне Джейка, державшего под уздцы оседланного коня, который был ей подарен на двадцатилетие. Черный мустанг по кличке «Север» считался самым крупным и быстрым в конюшнях «Магнолии», да и всей округи.

Алета подняла руку, требуя внимания. Мгновенно установилась тишина. Каждый из полусотни работников хотел услышать, что скажет юная хозяйка ранчо. Голос Алеты звучал уверенно, твердо, каждое слово было продумано и взвешено.

– Я хочу в первую очередь поприветствовать всех вас и поблагодарить за то, что вы все откликнулись на мою просьбу и собрались здесь. Как вы уже знаете, ситуация сложилась крайне тяжелая, но хочу вас уверить, не безнадежная. Конечно, мы потеряли самых дорогих нам людей, вы – своих хозяев, я – родителей, и мой брат, который мог бы заменить их, тяжело болен и не может прямо сейчас взять на себя заботы по управлению ранчо. Поэтому это придется сделать мне.

Толпа ковбоев взволнованно загудела, но Алета снова предупреждающе вскинула руку и чуть повысила голос.

– Я еще не закончила! Я понимаю ваше волнение и тревогу. Но ничего другого предложить не могу. Конечно же, я во всем буду советоваться с братом, потому что это необходимо мне для успешного решения всех текущих вопросов. Но поскольку он еще очень долго не сможет встать на ноги, я беру на себя всю ответственность и все полномочия. Я знаю, что многие из вас считают недостойным себя подчиняться женщине, но прошу вас помнить о том, какими были мои родители. Тогда вас не удивит мое решение. Впрочем, все желающие могут сегодня же вечером взять расчет. Я верю, что таких будет немного. Ни один настоящий мужчина не бросает ранчо в тяжелую минуту. Я закончила, вы можете приступить к работе.

Алета замолчала, ковбои, взволнованно переговариваясь, быстро разошлись, и девушка знаком подозвала Джейка.

– Как ты думаешь, Джейк, сколько работников у меня останется завтра?

– Думаю, почти все, мисс. Зачем им уходить? У нас намного лучше, чем у других.

Алета задумчиво покачала головой.

– Да, мисс, Джейми просила передать вот этот список и сказать, что звонил какой-то джентльмен из Атланты. Он сказал, что завтра привезут...мистера и миссис Беверли.

– Ладно, Джейк, – Алета смахнула покотившиеся слезы и легко вскочила в седло. – Передай Джейми, пусть позаботится о девочке, если она проснется, пока меня не будет. И еще: закрой на замок двери бальной залы, а ключ...ключ потом отдай мне. До свидания, Джейк.

Алета прищипорила коня, и тот помчался галопом через поле, прямо к тополию...

* * *

– Света, да выслушай же ты меня, – взмолился Александр, но в трубке снова уже в шестой раз послышались короткие гудки. Светлана бросила трубку. Поняв это, он сделал то же самое, резко выругавшись при этом.

– Фи, что за выражение! – поморщилась Анжи, входя в кабинет и плюхаясь в кресло. – И кто-то еще меня ругает за базарный тон.

– И тебе добрый вечер, дорогая сестренка! – также язвительно отозвался Александр, хмурым взглядом разглядывая девушку.

– Надо же, мы решили остричь! – отпарировала та, обмахиваясь своей белой миниатюрной сумочкой на серебряной цепочке, больше похожей на косметичку.

– Что жарко? – едко поинтересовался брат, быстро собирая со стола бумаги.

– Ничего себе?! – деланно возмутилась Анжелика. – На сестре новое сногшибательно дорогое платье, а он, даже не заметив, спрашивает, не жарко ли мне. Особенно учитывая, что на улице плюс тридцать!

– О...я...у меня нет слов,...чтобы попросить прощения.

Анжи встала и как модель прошла по кабинету.

– Ну, как я выгляжу?

– Просто супер, блеск и т.д. и т.п.! По какому же поводу сей маскарад?

Анжи возвела очи горе и рухнула в кресло.

– Ты неисправим!

Александр рассмеялся.

– Я пошутил. Ты чудесно выглядишь. И эти каблуки вполне достаточны для того, чтобы не выглядеть маленькой...

Анжи поморщилась.

– Ты никогда не умел делать комплименты!

– Зато я умею говорить правду. Нет, честное слово, рядом с твоим Николаем даже я чувствую себя коротышкой.

– Что это ты там ляпнул насчет правды? – не осталась в долгу Анжелика. – А сам до сих пор не сказал Светке, что не женишься на ней никогда!

– Во-первых, никогда – это слишком сильно сказано, может, я еще передумаю. Во вторых, как я могу это сделать, если она даже слова не дает мне сказать, бросает трубку.

– Если б ты захотел, ты бы нашел способ все ей объяснить. Поехал бы к ней домой, в крайнем случае.

Александр вскинул руку, чтобы Анжи замолчала.

– Я еще не закончил. В третьих, это не твоего ума дело!

Анжелика нахмурилась, но ничего не сказала.

* * *

– Хватит вешать лапшу мне на уши! Я не верю тебе, Алета!

Алета вздрогнула от этого окрика и промолчала. Он замолчал, и она отвернулась, чтобы скрыть слезы. Затуманенным взглядом окинула прерию, и вдруг подумала, что мама не одобрила бы сейчас ее поведение, то, что она унижается перед ним. Вся эта степь, это поле от тополя, где они сейчас стояли, до их ранчо и на много миль дальше, принадлежали теперь ей. А хозяйке такого ранчо как «Магнолия», не пристало унижаться перед таким ранчеро как Джон Кеннон. Но стоит ли ради этой гордости жертвовать мечтой, любовью того, кем дорожишь?

Хороший вопрос! Алета бросила взгляд на Джона, который с высокомерным видом продолжал упрекать ее за то, чего она не совершала. Он даже не стал слушать ее объяснения, он просто не поверил ей...

Слезы высохли сами собой, плечи и спина распрямились, и девушка, закрутив волосы наверх, надела шляпу, смерив Джона столь же высокомерным взглядом. Он на время лишился дара речи от такой перемены, и Алета, воспользовавшись паузой, сказала:

– Что ж, Джон, думаю, ты прав в том, что мы друг другу решительно не подходим. Поэтому нам самое время расстаться. Но поскольку как-никак меня предал, не поддерживав в трудную минуту, то сомневаясь, что мы сможем остаться друзьями.

Оставив ошеломленного ее тоном и словами Джона, Алета подошла к своему коню и легко вскочила в седло.

– Прощай, Джон!

Пришпорив мустанга пятками, Алета направила его к ранчо, ни разу не оглянувшись, хотя сегодня у тополя она оставила все свои мечты и надежды, свою первую любовь.... Но она не оглядывалась...

* * *

Шло время, раны затягивались, ранчо и его обитатели медленно, но верно возрождались к жизни...

* * *

Александр осмотрелся. Он стоял посреди небольшой площади в маленьком городке, от которого до ранчо «Магнолия» было около получаса езды.

Это был один из тех городков, которых много возникло, а потом исчезло во времена золотых лихорадок. Но сейчас лишь несколько этих ковбойских городков продолжали существо-

вание, а этот был еще и одним из лучших. Здесь были и даже вполне сносно работали почта, магазин и некое подобие банка. Конечно, был и шериф, и доктор, который держал аптеку. А прямо перед Александром находилась полуоткрытая дверь бара «Звездочка», где он решил на время поселиться.

Но сейчас он не зашел сюда, а отправился бродить по узким улицам городка. Он знал, что сейчас множество глаз следит за ним, он ведь был здесь чужаком. Но Александр решил пока не придавать этому значения.

Он размышлял. «Да... сложная штука – жизнь! Что же мне теперь предпринять? Невозможно заявиться на ранчо и потребовать свою долю в наследстве. Я же не изверг! Да еще то, что случилось с Адамом... это ужасно... Говорить теперь с ним не имеет смысла, да и не сделать этого без ведома других членов семьи. А, может, просто прийти и все рассказать? Бред, они не станут меня слушать... У них же здесь средневековые порядки – пристрелят и имени не спросят!... Кажется, у меня остается всего одна возможность попасть на ранчо и для начала немного осмотреться, – это наняться туда на работу. Но сегодня я не стану еще переодеваться. Бармены – разговорчивый народ, и этот вряд ли станет исключением. А еще охотнее он будет болтать с иностранцем, чтобы поразить его воображение! Так что сегодня вечером я еще побуду им, искателем приключений, а завтра... завтра посмотрим!»

Александр остановился на окраине городка и огляделся. «Господи, как красиво! И почему я раньше никогда не бывал в этих краях? Как-то не пришлось... Я и не знал, что на свете может существовать такая красота! Жаль, что на сборы ушло так много времени, почти три месяца...»

Войдя в прокуренный зал, Александр беглым взглядом окинул общество, собравшееся в баре. Оно не отличалось разнообразием: два ковбоя и молодой парень в одежде охотника, Александр решил, что он – мустангер, не считая самого бармена.

Александр сел за стойку, заказал выпивку и принялся наблюдать за посетителями, надеясь встретить кого-нибудь, кто хорошо знал обо всем, что происходит на ранчо «Магнолия».

По странной случайности он уже находился рядом с человеком, который как никто другой был в курсе всех событий в жизни «Магнолии». Это был молодой охотник, которого звали Кэйд Эшборн и который сегодня впервые после долгого отсутствия и болезни посетил бар. И тем не менее Александр обратил свое внимание первым делом на охотника, сам не зная почему. Его внимательный взгляд не упустил ничего: ни необычную бледность смуглого лица, ни его осторожности при ходьбе. Александр отметил и то, что левая рука молодого человека была спрятана в карман, и он явно старался ничего не задевать плечом. «Может, у него сломана рука? Нет, не похоже, должна же быть хотя бы тугая повязка, а у него под рубашкой явно нет никаких бинтов... Хотя, что мне сдался этот охотник?... может, у него растяжение... Лучше обратим внимание на бармена...»

Кэйд тоже отметил про себя появление странного незнакомца, но решил, что это обычный путешественник. Такие время от времени появлялись в «Звездочке», но уезжали через два-три вечера, не найдя в городе ковбоев ничего интересного, отправлялись дальше на поиски новых впечатлений и приключений.

За целый час, что Александр уже сидел здесь, потягивая отвратительный напиток, который ему рекомендовал бармен, назвав «фирменным коктейлем», в зале изменилось только то, что вместо одного ушедшего ковбоя появился другой. Теперь он играл в кости с охотником, а второй ковбой пересел за стойку и завел беседу с барменом о погоде и скоте. Александр следил за игрой и краем уха прислушивался к неспешному разговору, время от времени вставляя незначительные замечания, чтобы создать видимость участия в разговоре. Одновременно он анализировал ситуацию: «Итак, сегодня, похоже, не мой день, кстати, уже вечер, но это не суть важно. Вряд ли я что-нибудь узнаю, придется искать другие способы... Бармен ведет себя исключительно молчаливо, ковбои явно предпочитают меня не замечать, а охотник... охотник

вряд ли знает что-то достойное внимания. Хотя он мне нравится: приятные черты лица, решительность во взгляде, ...если бы не эта одежда его, я бы решил, что это какой-нибудь местный ранчеро, причем один из самых состоятельных, и ему сопутствует удача в делах... Ага, наконец-то!»

Последнее мысленное восклицание Александра относилось к ковбою, терпению которого, очевидно, наступил конец, так как он обратился к Александру именно с тем вопросом, которого тот давно ожидал:

– А вы по какому делу оказались в наших краях? Неужели тоже решили поохотиться?

– Нет, – Александр постарался улыбнуться как можно приветливей и разыграл смутившегося иностранца. – Я...понимаете, мне нужна работа...

– Вот как? – в голосе ковбоя звучало явное удивление.

– Да. Знаете ли, мне посоветовали обратиться на ранчо «Магнолия», но, говорят, оно далеко отсюда, а я не слишком хорошо знаю эти края. Поэтому и не решился пускаться в путь на ночь глядя, намереваюсь сделать это завтра, а сегодня переночую здесь.

Ковбой смерил его презрительным взглядом, и Александру понадобилось все свое хладнокровие, чтобы не вскипеть и не показать этому недомерку его место. Вместо этого он, скрепя сердце, продолжал играть роль глуповатого иностранца, который пытается найти работу.

– Да, – кивнул ковбой. – Я тоже слышал, что «Магнолии» требуются работники, хотя при этом сомневаюсь, чтобы вас, мистер, взяли на эту работу.

Александр едва сдержался, чтобы не заскрипеть зубами, но сумел сохранить подобающее выбранной им роли выражение лица. «Честное слово, театр потерял великого актера в моем лице, хотя если он еще раз ляпнет что-нибудь в этом же духе, я точно не выдержу и врежу ему по зубам...»

А ковбой продолжал неторопливо говорить:

– И положи руку на сердце, если бы не одно обстоятельство, я сам с удовольствием уехал бы туда. Это большое и богатое ранчо, хотя и говорят, что сейчас для него настали тяжелые времена.

– И вы из-за этого не решаетесь работать там?

– Ну...да, – чуть запнувшись, ответил ковбой, явно стараясь скрыть смущение. «Отчего бы это?» – подумал Александр, но не успел даже попробовать задать наводящие вопросы, чтобы все выяснить, как в их разговор вмешался охотник. Он только что закончил игру, и так как ему сегодня везло, решил заказать бокал джулепа перед дорогой домой. Его звучный голос раздался так неожиданно, что даже бармен вздрогнул, а ковбой (хотя, как отметил Александр, выглядел весьма внушительно) как-то сжался, сник и даже как будто уменьшился в размерах.

– Что ты виляешь, Бен? – обратился охотник к ковбою. – Почему бы тебе прямо не признаться этому почтенному господину в том, что ты считаешь унижительным для себя подчиняться женщине? Или тебя смущает мое присутствие? Совсем недавно, как мне говорили, ты не был столь сдержан в выражениях!

– Женщине?! – громко удивился Александр, чтобы привлечь внимание к себе и предотвратить ссору.

– Да, – ответил охотник, снижая тон. – На ранчо «Магнолия» сейчас руководит старшая из сестер Беверли, мисс Алета, кстати, у нее это получается не хуже, чем у многих других.

– Как странно!

– Ничего странного, – пожал плечами охотник. – Ее единственный брат несколько месяцев назад неудачно упал с лошади и теперь не может ходить. Но не бросать же из-за этого ранчо на произвол судьбы. И, кроме того, у Алеты ума и решительности гораздо больше, чем у тебя, Бен, меня и Джима из «Кедра» вместе взятых.

– Вот как! – с наивным восхищением воскликнул Александр, думая: «А я все-таки ошибся, вернее, это его одежда ввела меня в заблуждение, – он явно не простой охотник.

Слишком уж уверен в высказываниях и явно близко знаком с семьей Беверли. Это мне на руку. Этот охотник с каждой минутой нравится мне все больше...надеюсь, мы подружмся...»

– Это ничего не меняет, – угрюмо возразил ковбой. – Работники, вернее те из них, у кого есть гордость, уходят из «Магнолии».

Александр ожидал, что охотник снова вспылит, но тот лишь презрительно пожал плечами.

– Таких единицы, а остальные понимают, что это не гордость, а глупость и тупость. А вы, сударь, как считаете? – неожиданно обратился он к Александру. – Или вы тоже теперь откажетесь от своего намерения работать на этом ранчо?

– О, нет, – ответил Александр. – Мне слишком нужна работа, чтобы я мог обращать внимание на подобные глупости...

– Глупости? Ха! – резко перебил его ковбой. – Посмотрим, что вы скажете, когда двадцати летняя девчонка начнет вами командовать.

– Так ей уже двадцать лет? – снова изобразил удивление Александр. – А почему же ее муж...?

Он снова не смог договорить, но на этот раз его перебил охотник.

– Она не замужем. Как, впрочем, и ее сестры.

– Ну, у них-то еще все впереди, – ехидно вставил ковбой. – А вот ей самой уж вряд ли удастся подцепить мужа. Разве что подвернется какой-нибудь идиот.

– Знаешь, что я хочу тебе сказать, Бен? – в голосе юноши зазвенел металл. – Если ты не прекратишь распускать свой поганый язык, я тебе его укорочу. Имей это в виду на будущее.

Хотя эти слова охотник произнес тихо и даже без малейшего оттенка гнева, ковбой сразу как-то весь съежился и, не ответив, быстро оплатив счет, он поспешил уйти из бара. Александр тихонько тронул охотника за плечо.

– Мистер, простите мне излишнее любопытство, но я хотел бы узнать, что означает последнее замечание этого ковбоя?

– А вы еще не передумали искать работу на «Магнолии»?

– Нет.

– Тогда вы и сами скоро все поймете. А у меня нет желания вдаваться в объяснения, тем более первому встречному. Извините.

С этими словами охотник поставил пустой бокал на стойку, кинул бармену монету и ушел. Александр проводил его взглядом и тут же обернулся, услышав над ухом голос бармена:

– Дело в том, мистер, что у молодой хозяйки «Магнолии» есть дочь – очаровательная трехлетняя малышка Кэтти.

– Дочь?! – Александр чуть не подавился своим напитком. Ни о чем подобном его мать не упоминала. – А муж, что, уже умер?

– Да не было никакого мужа, – прошептал бармен, лукаво улыбнувшись. Александр понял, что раньше его сдерживало присутствие охотника.

– Девчонка, я имею в виду хозяйку «Магнолии», уезжала в Чарльстон в гости или учиться, и вернулась месяца три назад с этим ребенком! Ей, надо сказать, крупно повезло, что родители их к этому времени как раз погибли, да и брат не в силах теперь приструнить девчонку. Естественно, замужество ей теперь не светит. Даже Джон Эшборн отказался от нее, хотя раньше сходил по ней с ума. Но она теперь одна из тех, кого называют «испорченным товаром».

Довольный тем, что сумел удивить приезжего гостя, бармен поднял голову, и с лица его усмешка внезапно исчезла. В дверях он увидел девушку в черной амазонке и в растерянности залепетал первое, что пришло на ум:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.